

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Армения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТАКАН ГРОХ», ЕРЕВАН—1985

ББК 84Р1
Б439

Составление, статьи, примечания
Н. ГОНЧАР

Белый А.

Б 439 Армения: Очерк, письма, воспоминания. /Сост., приложения и примечания Н. Гончар. — Ер.: Совет. грох, 1985. — 208 с.

Андреем Белым, крупным русским поэтом, писателем, знатоком и теоретиком культуры, были совершены две поездки в Армению — в 1928 и 1929 гг. Настоящая книга знакомит с его очерком, созданным под углом зрения тех лет в результате первой поездки, поэтично и красочно представляющим природу, историю, культуру Армении, ее бурное возрождение к новой жизни, а также со страницами эпистолярного наследия писателя, отражающими его армянские впечатления и связи. Некоторые материалы публикуются впервые. О впечатлениях писателя от Армении рассказывает включенный в книгу фрагмент из воспоминаний К. Н. Бугаевой. Статьи, составившие «Приложения», дают подробное представление о богатом мире и художественном своеобразии путевой прозы А. Белого, об армянских образах, проникших в его творчество.

4702010100

Б ————— 190.85

705(01)85

ББК 84 Р1

© Издательство «Советакан грох», составление, приложения, примечания, оформление, 1985

Армения

В НАГОРНОЙ АРМЕНИИ

Пятый час!

Чуть сереет: просер голубеет в вагонном окне; уползают в ущелья гонимые мраки, как черная стая коров, очищая рельефы.

Армения!

Верх полусумерки рвет; расстоянье сложилось оттенками угрюмо-синих, сереющих, бирюзоватых ущелий под бледною звездочкой; в дымке слабеющей зелень; но чиркнул под небо кривым лезвием исцарапанный верх, как воткнувшийся нож; и полезла гребенкой обрывин земля, снизу синяя, в диких разрывинах; будто удары ножей, вылезających из перетресканных каменворотов, — в центр неба; мир зазубрин над страшным растаском свисающих глыб, где нет линий без бешенства!

Точно Армения, встав на дыбы, собирается варварской массой камней обрушиться в гряды грузинских нагорий.

Здесь складка, бегущая с Черного моря хребтами Аджарским, Месхийским, Триолетским, Памбакским, Гокчайским и кряжами гор Карабаха, бегущих к персидским горам, чтобы восточней, к Памиру, чудовищами Гиндукуша стоять, — та же складка от Черного моря до... Берингова, — круто надвое разорвалася: в ударах подземных.

* Осколки крепчайших костей, разрывающих мускулы почвы, здесь выперты — рушить массивы; под ними сражались римляне; и Митридат, посрамленный, армянским ущельем бежал, и Помпей пролагал переправы до древнего Фазиса; все непокойно: в двадцатом году еще курды вырезывали население под Караклисом¹; трясущийся центр национального и земляного неистовства — здесь; революция с первым покончила сразу; второе бунтует доселе; в ущельях разводится сыр, виноград, извлекаются руды и строится электростанция.

Точно громадные курды, уселись горы и ищут предлога: низринуться; и, точно серые совы, слепые для жизни, уселись монастыри и развалины замков десятого, даже восьмого столетия в окрестностях Алаверды, Ахталы.

Небо светит очищенной синью; и бронзовым зовом светлеют верха; вот и домики Алаверды появились из залежей медной руды, колчеданов (свинцового, серного), переливающихся аметистово-синими взблесками; эту руду извлекали; но войны недавнего времени с турками сорвали работу; и лишь с 25-го года рабочею песней опять зазвенела руда; теперь строится электростанция тридцатитысячной силы в базальтах близ Калагерани², которая будет обслуживать медноплавильный завод и химический.

Спутник, грузин, инженер, со своею собакою едущий в Калагерань (поохотиться под Воронцовкою), манит красотами Степанавана, армянского дачного места:

Вы, вижу, любуетесь местностью, но что она по сравнению со Степанаваном: такой красоты я не видывал и на Военно-Грузинской дороге.

Там можно пожить?

Почему же нельзя: дачи, великолепное есть сообщение с Калагеранью; шоссе в Караклис, ежедневные автомобили.

Я роюся в путеводителе: Степанаван — не отмечен совсем; не отмечено все, что реально для нас, путешественников: только цифры статистики; с ними знакомство верней в специальных отчетах; проезжий, имеющий в распоряжении месяц для отдыха, будет искать описание мест, где он мог отдохнуть бы; но — тщетно: он их не найдет; они — спрятаны: глупо промчавшись в вагоне за поиском их, мимо них, он, здоровый, ненужно приткнется к курорту, куда приезжают лечиться; отсутствие элементарнейших сведений для путешественников и ужасный разброс сообщений почти возмутительны в путеводителе; мне его бросить приходится; не угрызешь его цифр; с ними я ознакомлюсь на месте; не выжмешь мне нужного из распреснятины микроскопических петитов; и золотокрасный его переплет, набавляющий цену, — подвох, о котором кричу благим матом*.

— Вот вы приезжайте, — зовет инженер, — убедитесь, что жизнь хороша здесь.

Поезд — в Лорийском ущелье, обвешанном деревом; склоны холмов в раскудрявой лозе, разводимой невыгодным способом, взятым у персов; лоза эта терпкая, крепкая спиртом: идет на коньяк; вот уходит — в верх каменный; грузно повис эоценовый слой, расщепляемый сетью ущелий, съедающих гребни, которые струйками плачут в форельную, бело-зеленую речку

* К а в к а з . Справочники-путеводители транспечати НКПС.

Борчалу, вчера затопившую путь, и шестьсот человек исправляли его; речка снизилась.

Этот зеленый район — земледельческий; сто шесть поселочков и городок Караклис образуют его; всюду пасеки, пчел незлобивых разводят; мед белый душистый — вывозится; эпизоотия — бедствие для пчеловодов лорийских. На склонах пасется овца, дает шерсть для ковров; их орнамент — испорченный; ввоз анилиновых красок его погубил, как в Японии ввоз этот съел колориты старинной гравюры.

Сады пестротканые всходят под лысые головы пастбищ, расставленных в воздухе и в груди громад, истекающих вниз снежным скатом оврага: с гребенки серебряной; легкие линии вылетов строят подъем к Караклису, которого крутость превысила все крутизны; без ущерба для поезда; речка под нами врзается в недра, сходящие вниз; лишь клочочек опаловой; пены из зелени грецких орехов клокочет; вагоны повисли над ним.

И проходят Шагали, Памбак оголенными скалами, зелень согнавшими — влево и вниз, чтобы голые горы сидели на голых обглаженных скалах распластанных, персиками отливая бяесо, а пятна — кудрявые тени от облака, тихо взлетая, проходят повсюду; гребенка из снега стоит, не бояся своей высоты и подтягивая к освеженным районам, куда в интервалах ритмических всходит окрестность; мотив, возникая под сердцем, щекочет гортань, чтобы горная песня лилася, как речка, которую слышишь, не видя.

Легендою жизни потухших вулканов меняются местности в лапы седых бронтозавров, придвинутых к поезду, в спины драконов, едва отливающих розовым персиком, в золотокарие шерсти, в гранаты хребта позвоночного, в головы, вставшие из аметистовой тени взирать на бурчанье молочно-опаловой пены, из зелени скачущей; хрящ известковый, базальты и пористый туф, —

лиловою, желтой, бело-розовою; дали увенчаны ясностью снежных зубцов (в Караклисе снега выпадали).

Меж всем — Караклис, центр изгрызенной впадины амфитеатра, куда опускаются снежные ряби оврагов.

И снегами свежее, резвые ветры проносятся.

За Караклисом исчезла в ландшафте земля, ставши светом и воздухом; тень бирюзовая вылепила розоватые конусы в конусах, схваченных в легкий разлет километров; туда задираем носы, там оттенки текучи, как струи в русле неизменного очерка гор, из сквозных переливов слагающих цветопись кряжей Памбака; гребенка, едва лиловатая, гонится издали, а исполинское темя тарашится лобинной: нас оглядеть; ждем вперенного в нас стекловатого глаза: но — камни набухли пред носом; когда отвалились они, то — как есть ничего; сухосиние воздуха; сжаты предгорьем мышинного цвета домишки, как плоские плитки стоят в раскуреньи дымок, среди груд кизяка, да армянок, расплесканных платьями, ржаво-кровавым и черным; вторая свой рот закрывает платком по обычаю местному (стыдно замужним показывать рот); глинобитные стены — их фон.

Да, над очерком местности, видно, работал Чурлянис³ Армении, ритм вулканический; лавы давил из вулканов, как жидкие краски, на кряжи, топя их в покатые уровни Ленинанканской степи, куда поезд несется из желто-оранжевых мхов, разгнездившихся в камне; пропала трава; только редкие жерди торчат: здесь земля — иглокожая, аспидных колеров.

Вдруг поднялась снежень легкого старца в разлете лежачем, которого руки и кудри слились в два крыла; и за нею другая; висит крылорукий и плоско зубчатый с отчетливым ликом без темени, белый такой Алагез, не имея подножия, вниз изливаясь питающей влагой источников; сгинул, как сон.

Появился.

Есть краткое что-то в огромном, сквозном орловидном разлете алмазных зигзагов, висящих из тысячей метров над уровнем моря; армяне зовут Арагацом его; ему песни поют благодарные.

Камни туннеля Джаджурского уже отгрохали под остановкой, а все Алагез поднимался и шири показывал плеч; они — целый хребет, незаметно снижаемый на плоскогорье страны Абаран, над которой сидит он русалкой мечтательной, строя сложения зубринок, соединенных овалом седлинок в две гряды двуглавия светлого над Абараном, который есть мир бедноты, так что кадр пролетариев сходит оттуда на фабрики.

Ортокилиса: разъезд, отстоящий верстах в сорока пяти от Алагеза; мы мчимся в равнину теперь; огибают нас персиковозолотые зубцы уходящего Памбака; даль распахнулась армянской равниной.

ЭРИВАНСКАЯ ДОЛИНА

Ленинаканская степь — плоскогорье мертвое; мерзлые лавы, протекшие от Алагеза, хребты затопивши, построили местности эти; геологи назвали крышей Армении их; ровно в пять тысяч футов над уровнем моря возвысились земли; на тысячу футов под лаву ушел старый слой; тут — покатые склоны: к долине Аракса; тут Турция, вставши вплотную, назойливо сопровождает железнодорожную линию до Эривани; и — далее; тут появляется Персия, путь обрывая у Джульфы; за Джульфою — город, который пленяет меня, Ордурад, расположенный в трещинах гор Зангезурских, наполненных медью.

Тут — центр толчков, разрушающих Ленинанкан, так ужасно рассыпанный в 26-ом году; сорок селений разрушено было в окрестностях этих; земля тряслась месяцами; и пострадал Караклис; тряска ж легкая здесь — обыденна, дней десять назад перетрясывались эти земли; толчки отдавались в Тифлисе, в Хашури, в Чиатурах; мы тоже подпрыгнули, слушая, как Робакидзе, грузинский писатель, предсказывал ряд катастроф буржуазному миру; вот тут и случился толчок; зазвенело окно; все выскочили; хозяйка встревоженно бросилась к детям; один Робакидзе, толчком не смутясь нисколько, но им вдохновляясь, вплеп его, очень эффектно закончив свое громоносное слово трясением наших сознаний; он кончил:

— Пускай разрушается все, что осталось от старого мира.

Сидели и ждали; разрушимся мы или нет; но второго толчка не последовало...

Приближаемся к Ленинанкану, явившемуся и пылями, и дымами домиков, и серогрязною язвой развалин, две трети которых залечены быстрым строительством; треть его грустно лежит в раскаленных разбросах зеленого туфа под мертвою мутью небес, омрачаемых тучами; гордая, злая, великая местность как будто притихла вокруг, и не скажешь, что ходит она ходуном; ее солнце сжигает жарою; зимою сжигает морозом; шершавый, сухой пейзаж с непременно верблюдом, пришедшим из Персии; круто оборвана почва Европы; мы сброшены склоном нагорья в древнеазиатские недра, которые те же: в Тавризе, в Армении, в Месопотамии, в Турции.

Станция «Ленинанкан», — очень скучная, как эта пыль и как пылью покрытая стройка, — стоит на отлете, вперяясь в равнину, на белесоватой, едва желтоватой земле, осыпающейся ноздреватыми туфами, цен-

ными в стройке; а около где-то — богатые залежи пемзы; и их разрабатывают; ее больше, чем нужно для нужд СССР, так что вывоз ее обеспечен. Не скажешь, строительною лихорадкой Армении местность охвачена после последней резни, какой не было даже в анналах выдавшей все виды Армении: полчища, явившиеся из Турции, вырезали шестьсот тысяч армян (по иным утверждениям — до миллиона, чему страшно верить), разбили селения, станции; с этого места нередки развалины; окна без рам, проваленные крыши.

Но лечат болячки.

Близ Ленинакана стоит гидростанция; мощен рост техникумов; заработал текстильный завод, куда тридцать процентов очищенного от зерна, белоснежно-волнистого хлопка идет; остальные же семьдесят из Эривани вывозят на север; завод за заводом отстраивается; торгуют — шелками, коврами; растет население; беженцы с севера, беженцы с юга сюда притекают; когда-то деревня Гюмри, малый пункт караванного тракта на Персию, после же Александрополь, военный поселок, а в будущем крупный промышленный центр, — вот он, Ленинакан, запыленный, охваченный радостью стройки, как все; даже я заразился армянским строительным пафосом.

Этого встретишь и спросишь:

— Ну, — как?

— Строим то-то; отстроили то-то.

С М. С. Шагинян повстречаешься:

— Как вы?

— Сыры коллективы разводят: в крестьянском хозяйстве — огромный сдвиг.

Разговариваешь со спокойно глядящим Сарьяном о живописи:

— Академик Таманов⁴ прекраснейший стиль разработал для новых армянских построек, взяв лучшее от

старых форм, приспособлявая их к текущей действительности: посмотрите же на эриванскую электростанцию: чудо изящества и простоты; все технические ее части даны в концентрации, в малом пространстве и в формах, как бы органически выросших в почве.

Из всех разговоров встает одинаковое утверждение, и радостное, и надличное:

— Строится новая жизнь.

Забегаю вперед, вспять описывая впечатления свои эриванские.

Тронулись; Ленинанкан отползает; мы скатываемся наклоном в 2.000 футов (стоит Эривань на трех тысячах футов, а Ленинанкан — на пяти) к плодородной долине Аракса по мертвым местам, плодородным в потенции, не орошенным фактически (смесь вулканической почвы с водою дала б результаты прекрасные в биохимическом смысле); кокетливо переменяет рельефы свои Алагез, плоскогорье сузивши; став одноглавым, главу свою прячет он, приподнимая предглавие снежное, смотрит бордюрами белых кудринок; упавших с плеча (мы его огибаем) на Карсскую область, которая там гребенится стеною серебристых ножей над сухим и седым плоскогорьем.

По небу пошел грозовой караван, громыхая из многих, отдельно повиснувших тучек; с одной опускаются дождики, через себя пропуская небесного цвета кусок, на котором алмазные пики торчат над стеньем оливковых склонов — в опаловой радуге; этот оттенок опалов и Линч⁵ отмечает в толстейшем двухтомном труде, посвященном Армении*; всюду торчат каменистые кряжи с окраин сухой котловины, в которой змеятся вагоны, чтоб круг горизонта ходил вокруг нас и показывал

* Линч. Армения, т. I. Изд. 1910 г., 597 страниц.

цепи с равниной пред ними, усыпанной туфами, с черной палаткою ярко тряпичного курда и с мордой верблюда, колючку жующего.

Вот буроватые дыры бросают дымочек: деревня; зеленые мази стены, полувпертой в склон почвы такого же цвета, другие; вот дыры в земле среди груд кизяка; бугорчатая почва с протыками дыр — обитаема: дыры — и двери, и окна, и трубы, скотий проход, потому что скотина живет с человеком; еще хорошо, что живет: были дни — тут не жили; бежали в пространства; и падали замертво в камни; ужаснейшая нищета здесь господствует, в яркие тряпки рядясь; разрушение над разрушением напластовали столетия и заливали культуру, как лава хребты изначальные; самое страшное было вчера; со времен Геродота Армения разрушения такого не знала: громились деревни, железнодорожные станции, уничтожались каналы, посевная площадь; и женщин насиловали, и младенцев грудных на штыках волокли; после все заносилось песками, летящими от Эривани.

Великая сушь облагает деревни, разрезанная редкой сетью каналов от Занги и от Арпачая, притоков Аракса; скуднейшая зелень питается влагой подземною, перетекающей от Алагеза, которому песни поют; шлюз — реликвия, святость, а распределитель воды, по-армянски «мираб», есть мудрец, жизнедатель, нелегкое дело водой оделить поселян; здесь снега Алагеза воспеты; зато Арарат, сам себя выпивающий, выброшен вовсе из песни народной.

Вот станция Ани.

Развалины древней Армении рядом: рукой их подать; говорят, что видны из вагона; они отошли вместе с Карсскою областью к Турции (в «Путеводителе» же,

у Аннимова* они значатся нашими: «Путеводители» пишутся, чтобы впросак посадить тех, кто хочет схватиться за них: там и Артвин — наш город); смотрю на места, где в девятом столетии скапливалась в библиотеки книга; вставляла конструкция храмов армянских, связавшая Запад с Востоком и стили сирийские с ранним романским и с русским (таков стиль Софии, построенной не византийскими, а азиатскими зодчими); стили связались здесь в утонченнейший узел, который с трудом расплетя, получаешь ключи понимания эпохи расцвета единственных форм, обошедших Европу (по данным новейших исследований); Маргилевский, профессор, мне это подробно докладывал в Киеве, деятельно собираясь ехать раскапывать местность вокруг Алагеца; и то же узнал я впоследствии в Эчмиадзинских стенах, от хранителя рукописей библиотеки Сенекерима Тер-Акопяна, показывавшего двухтомный труд, вышедший в Австрии, где специально трактуются эти вопросы⁶; с десятого века кричит на весь мир стиль анийский; а после кричит он развалиной; Марр⁷ здесь работал; трофей раскопок его в Эриванском музее.

Прекрасные снимки с двух церковок Ани я видел недавно; мне кажется, это — бутоны позднее раскрывшихся форм, потому что в них стянута сила разверта подробностей целого, где купол храма и храм обнимают пространство того же все гранника башенки без боковых ответвлений; но в башенке — все рудименты даны; они точно зажаты в кулак.

Эти церковки — прошлое; ныне над старой развалиной, может быть, плещет палатка захожего курда, чтоб сваяться; бродит турецкий пикет по степям над упавшею архитектурой — в архитектуре, еще не упавшей, окраин плато; это зодчество кряжей слепительно;

* См. издание 1924 года, которым я пользовался.

май уже душит жарою, а все еще живо играют опаловым снегом зубцы горизонта, вулканы потухшие; здесь для геолога — рай; он с почтением шапку снимает, сюда притянувшись.

Таких мест не много.

От Ленинакана отчетлив турецкий хребет, Агри-Даг; он — граница двух некогда царств разделенной Армении; тускло начало его в юго-западе Турции, тучами хмуримой, крепнет гребенка его на восток, наступая на нас всей игрой фиолетово-светлого воздуха; там — Кусех-Даг, от востока стоит Алагез перед собственной станцией (есть остановка, присвоившая имя старца); южнее зубчатости Гекаркуника, которые — крепость, хранящая воды Севана, чтобы не сбежали они вместе с Зангой, бегущей от озера узким ущельем и после каньонами предэриванскими; с юго-востока лучи вылепляют гряды белокупольных облак, громадно сияющих призрачным ободом; все облака превышает то облако вон; и оно не меняет своих очертаний, как прочие.

То — Арарат.

Смотришь, — кажется: вылезло что-то огромное, все переросшее — до ненормальности вдруг отчеканясь главою своей; всех зубцов оно дальше, и все же — громадней; а тело, в мутнящемся воздухе, странное и разлетанное, — призрак, распахнутый бледными линиями; и растет впечатление, что голова, отделившись от тела, является белой планетой, которой судьба — обвалиться, иль в небо уйти навсегда, унося времена патриархов; не бред ли: в двадцатом столетии увидеть подножье ковчега, летавшего где-то здесь, в уровнях воздуха; и дико вспомнить легенду армян, будто рай насажден был здесь именно, а не меж Тигром; он мне представляется оранжерейкой у Занги, среди тусклых безводий, подобием, что ль, показательной станции для разведения

зверей и людей, сих бактерий, быть может, досаднейше выпущенных из разбившейся колбы, пожравших растительность рая, богов заразивших болезнью антропоморфизма; так выросла с этого места теперешняя «белокурая бестия» Ницше.

И — нет: неподобно глядеть Арарату в двадцатые годы двадцатого века; а нам неподобно из этого века взирать на него; поглядишь — все мутится вокруг.

Мы отводим глаза, опуская на крутобегающую местность; она изменилась разительно, пока глядели на гору, — в крик ярко-коричневых, черных и красных камней: будто центры земли разворочены, вывернуты красной кровью, запекшейся в черные камни.

К а р а б у р у н, станция.

Зеленоватый бок куба без крыши; с веревки, висясь лоскутами, кровавыми, черными, желтыми, — в черные, в желтые, в красные камни взлетает белье; это буря сухая летит с Арарата (она — ежедневна: часов с четырех до семи); серо-желтою стаей снимается местность и тянется длинными змеями, главы развивавшим в поезд, влетающий в бурю муть; Арарат, ей запахнутый, серо мертвеет и кажется тушью набросанным конусом, вставшим из прошлого: нас напугать; вот он выпустил сбоку отросток, растущий до конуса, спорящего с главным конусом великолепием стянутых круто в вершине пропорций; двойник Арарата Большого, «Масис» и «Сис» (по-армянски), становится явным двуглавием, «Сисом — Масисом» (армяне зовут Арарат этим именем); между вершинами — невероятных размеров седло.

Так второй Арарат, или Малый, совсем неожиданно вылез из Персии; главы схватились, точно борцы; это Турция с Персией, на протяжении столетий перед Эриванью вступив в поединок, бросали войска в Эривань, разрушая мечети: и эти, увенчанные тонкопалым

таким минаретом, и эти, с изящным, цветным, полностью изогнутым куполом, индо-персидским; шииты рублились с суннитами; те и другие всегда вырезали невинных в сей драке армян.

Будет то время, когда станет братским объятьем сплетение рук араратских, откуда — восход в поднебесные выси, куда ушел конус, коли он... не рухнет до этого; он — разрушается; землетрясение сороковых годов прошлого века свалило под глетчером бок великана на церковь Иакова и на поселок, — в места, куда Ной, опустившись, стал разводить виноградники послепотопные.

Невыразимое, незабываемое вновь охватывает перед серым миражем двугорья, одетого в бурые бури, над трупом равнины.

Аракс, остановка: дома, как развалины; люди, как тени; вон очерк рабочего клинькает резко и сухо о камень взлетающим очерком молота.

Пересекаем оаз, орошенный каналом; каньоны, покрытые зеленью, блёск живоротутной воды; белоствольные тополи, местные видно (таких я не видывал), густо набухли зелёною порослью только местами, ствола не тая; а вершинка растреплется веером в ветре; и снова сожмется — зелёным копьём; стайка розовых птиц, испещренных лазоревым цветом, снимается с проволоки телеграфной и прыскает черной каемкою крыльев над тутовым деревом в хлопок, давно разводимый здесь; зелень срывается пустошью; крап абрикосово-серого колера малых травинок; и десять верблюдов один за другим выступают в орнаменте пестрых мешков, упдающих с бурого бока, обвисшего шерстью; грифиная морда, по мнению М. С. Шагинян, есть портрет Шопенгауэра; старый верблюд, переполненный весь философскою спесью, меня забавляет; ко мне повернул свою

морду с насмешливым лозунгом: мир — представление мое; подойди — оплюет.

И опять набежали зеленые заросли Занги под склоном садов; несет пряниками и духами от них; поднимаются плоские крыши над крышами.

То — Эривань.

ЭРИВАНЬ

Эривань, или город садов, лежит ниже Батума на градус и двадцать минут ($40^{\circ}10'$), поднимаясь более чем на три тысячи футов над уровнем моря; Тифлис оказался б в головокружительной пропасти под Эриванью, когда б стоял рядом; меж тем: в отношении к местам обстающим, она — впадина явная, сильно пропитанная испарением Занги, покрытая хлопком и рисом, сопутствующим малярии; в июле насыщенный воздух звенит комаром ядовитым и роем невидных москитов; кто может, спасается в горы из мест лихорадочных; ближе лежащее, прямо за городом вставшее, дачное место — село Канакер; дальше следуют: Дарачичаг⁸, Дилижан, Караклис и другие нагорные пункты, заботливо скрытые путеводителем.

Занга глубоким каньоном вырезывает вокруг города мощи базальтовых, столчатых стен, точно стены дворцов, первозданно изваянных в многоколонники: на круто вздернутых, каменно-желтых приречных верхах разрушаются каменно-желтые стены красивейшей крепости, в синь поднимая свои бастионы: изъеденным краем; построена крепость в XVI веке; в семнадцатом веке Аббас обнес город такую же каменно-желтой стеной, о которую лоб расшибали Гудович и князь Цицианов;

а персы гордились своей неприступностью; зато Паскевич стяжал себе лавры, взяв крепость и став «Эриванским» от этого; славе Паскевича очень дивились бывшие здесь англичане: при войске и пушках как мог он так медлить пред этой игрушечной крепостью.

Вид ее — гордый, величественно заграждающий склон городской от... реки; здесь недавно еще распался сардарский дворец; а теперь он — распался; у берега Занги есть сад, называемый садом сардарским.

Склон города — путаница плоскокрышая улечек, с дальнего склона являющаяся вид руины ступенчатой лестницы к рывтинам Занги; она — цвета почвы: выше; а ниже — ныряет в зеленые чащи предместий с дорогою в Эчмиадзин; глядя в город с дороги, — увидишь нагорье, которое поколупали, стараясь выбить в нем лестницу; полузавалена лестница кучами камня и мусором мощным, с которого высится яркая, как огонек, зелень белых, как свечи, стволов тополей, кудри тутовых, персиковых и миндальных деревьев, да заросли серого «пшата», похожего так на оливки, бросающего жарко пряные запахи прямо в открытые окна.

Морщь склона, бросаясь в зелень, — в ней тонет; она — вырезная, иль кожисто крепкая, обнесена сбросом черного, белого, красного камня, являющим шашки орнамента; им наряжаются новые стены построек, отбросивши белую мазь, занесенную, видно, из Персии; женщины скидывают снеговую чадру, еще часто мелькающую среди улиц с оранжевым клином бородки шиита-татарина; кубы домов, как чадру, набеленность отбрасывают, появляясь в силе природного цвета; и пухло изгибистый купол мечети торчит кое-где; он — персидский; и разнится формой своей от арабского, константинопольского, выявляя типичную для закавказских орнаментов стрельчатость; вон — «Голубая Мечеть», поднимающая бирюзовый ковровый свой купол

из плоскости, пересеченной растресками улочек; а вон — оранжевый купол, близ Занги. Армянские церковки, малые ростом, — врезаются в небо с возвышенных мест.

Выше города — ряби могил очень голого верха; за ним — снеговой Алагез; ниже — падает город на Зангу; везде, отовсюду, над всем — араратский массив.

Такова Эривань из окна розожелтого белоколонного здания, в котором живем; две колонны толстейшие, в нишах, проводят в антрэ, где вторая колонная арка наверх поднимает в просторы пустых коридоров, квадратом, бегущим по трем этажам, принимая закрытые двери шестидесяти превосходно обставленных комнат; то — новый отель, еще полузаконченный, пахнущий краской малярной; в него мы попали: один из армянских наркомов забронировал номера нам, а то не найти бы нам комнат: все — густо набито.

Здесь я не могу не отметить черты, характернейшей для ЗСФСР; в 21-ом году обнародован был в Эривани декрет, призывающий беженцев в город вернуться; сперва появились армяне, за ними вернулись недавние «изверги»: турки, татары; крестьяне, от них потерпевшие, их принимали охотно; и землями их надеяли, и им помогали распахивать землю.

Политику судят по ей принесенным плодам: и политика местных властей превосходна, когда мной описанный факт — ее плод.

Возвращаюсь к отелю: чудесные комнаты будут недороги; а пока — дороги: платишь — за крышу; пока — нет звонков, нет горячей воды, самоваров, прислуги, которую видишь с семи до восьми-деяти; а потом — ее нет; нет... уборной; чудесные комнаты — декоративное «стойло», в котором мечтаешь о грязных углах, пусть с клопами, но с чаем и с... ватерклозетом, — не с мерзкой дырой на дворе, пред которой слет утренний

бедных приезжих, из комнат несущихся по коридорам, как по аравийской пустыне, но вовсе не к обетованной земле, а к... помойной дыре: под дождем и под пеклом устраивать очередь; после ж метаться по улице круто наклонной, за поиском дальнего, обетованного чая, как будто нельзя завести кипятка в «Hôtel premier — ordre»⁹, конкурирующем своим видом со всеми «Паласами» Запада.

— Чаю нельзя, — объявил очень строго сидящий субъект под колонной, едва понимающий русский язык.

— Ничего нельзя?

— Ниэт! нычаво!

Ничего не добьешься в примерном отеле, размаха широкого, полного завтрашней жизнью, которой пока еще нет, — до того, что записки и письма, отчетливо посланные мне знакомыми, несколько суток валялись пред носом блюстителя строгих порядков.

— Ниэльзя!

— Тут записка мне.

— Ниэт, — раздавалось в ответ; я ж — протягивал руку за ней: и ее добывал из-под носу блюстителя, так «ничевокси» настроенного.

Вот и русская девушка, Поля, согласная нам добывать кипятка из лавчонки напротив, — исчезла: «ниэльзя».

И мы бежали, пересекая проспект Абовяна, в далекий кофейный район; счастье было так близко, — напротив; а вот принести его Поле — «ниэльзя»; наконец появился почтенный усатый Вако, или Сенекерим, или Мкртич может быть, согласившийся на перенос кипятка чрез улицу; мы бы и сами носили его, если б знали, что рядом он; репликой категоричной «нэльзя» на все просьбы отрезались явно возможности жить в этом стойле, и нам оставалось: скорей домытариться.

Надо сознаться: две комнаты стоили дороговато нам: десять рублей за сплошное «нэльзя» (в одни сутки).

Коль строятся стены, то надо при них строить жизнь с «кипяточком»; уехать я вынужден — вовсе не из Эривани, к которой тянуло, — из стен; осмотр города, всех учреждений его, новый быт, темп его насаждения есть сказка; и даже колонный антрэ при дыре выгребной очень яркий момент, потому что теперь Эривань — бивуак разбиваемой жизни; не требуйте самых обычных удобств от нее; она вся вылезает из старых развалов сложением фундаментов, или «антрэ»; все засыпано мусором; все прозяло растреском, в котором сидит скорпион; все в известке сегодняшней, красящей.

Но кривули закоулков, растрески стенные (ведь 200 домов подпираются бревнами, как костылями), с резными террасами и подворотнями, с зарослью мощных кустов на распавшихся крышах, с которых белье полоскается, — те кривули пожалеешь: снесутся; исчезнет археологический и эстетический очерк персидского города; трезво же подумав, не станешь жалеть: на развале уж новый фундамент сидит; поднимаются стены без крыш (стены — будут); недавний стиль зодчества — новоармянский, тяжелый и вымученный, или то — ренессанс, не калечащий местный ландшафт, явно ладящий с ним: дома эти — оранжевых, розовых, серо-ореховых колеров, с белою лепкой; прекрасны постройки Таманова, сложенные из цветов необмазанной почвы, с заостренной крышею из черепицы, поладившие архаической формой с теперешним веком; «тамановский» стиль, поднимающий будущее и умело являя в нем староармянское зодчество, строит картину великого «завтра».

Представьте себе Нюренберг XXI века, вобравший по-новому ритмы старинных конструкций, с которыми

ладит промышленный ритм; этот стиль не «квасной», как тот стиль «руссопятский», которым едва не убили Москву, возводя в ней «ряды» рядом с «думой» чудовищной; вижу «народное» зодчество в стиле Таманова в центрах, «в садах — городах», — не железобетонные чудища капитализма, в фантазиях многих конструкторов явно стилистикой социалистической ставшие.

Нет, академик Таманов, пришедший работать в Армению, с планами нового города, уничтожающего часть старинных кварталов, проводит по-новому лозунги древнеармянского стиля.

Спросил его:

— Верите вы, что Армении нужен бетон?

— Нет, не верю: зачем? Материал — и какой — под ногами: дешевле, красивей бетона; и в прочности не уступает ему.

— Почему инженеры — горой за бетон?

— Предрассудки у моды сильны; где нет камня, — бетон выручает; бетоном оспаривать камень природный, по-моему, лишь обезьянство.

Теперешний стиль Эривани — развалины в очерках еще не зданий, — а стен: в одном случае крыш уже нет; в другом — нет еще; стиль тот прекрасен, по-моему; шероховатости жизни сознательно в нем продиктованы волею к коллективизму, согретою радостью: так и зажить прочной жизнью. Как бы говорят вам:

— Ну да, тесновато, нелепо; приходится много возиться; но лучше сплотиться в открытой и доброй возне, чем таиться в растресканном стиле персидского дома от турок, татар и чиновников!

Здесь, на окраинах видишь размах СССР, — не в Москве, где советские барышни треском машинок проекты строчат; их действительность вовсе не в давке трамвая московского, а например, в Эривани, где нет и по-

мину трамваев, где треск ремингтонов есть радостный говор о явно приподнятом будущем; из разговоров с армянским рабочим, седым коммунистом, с помощником наркомпроса Армении, с нашим шофером, три раза сидевшим у турок в плену, Вагаршаком Сарапьяном, с Сарьяном, воспитанным «Миром искусства» и после принесшим сюда, в Эривань, свою мудрость художника и замешавшимся в ритмы Армении, из разговоров с Тамановым, давшим проекты свои Эривани, из дружеских криков с М. С. Шагинян о текстиле и сыроварении, — отсюда летел на меня этот радостный вздох про работу народа, столетия изголодавшегося без нее.

Лишь в советском режиме вздохнула страна.

Невозможно коснуться всего, что я видел, — в кортеньком очерке.

В распоряжении советских работников, организовавших Эривань с 21-го года, — остались: пустые дома без людей, часто даже без крыш, город без освещения, водопровода и без тротуаров, заводы пустующие, просто чудом оставшийся старый коньячный завод, знаменитейший, Шустовский, сети каналов, не действующих, и садов, обреченных на гибель (ведь персиками, абрикосами, айвами, грецким орехом, гранатами, винными ягодами, миндалем осыпались зелёны). До революции, кроме коньячного и пивоваренного производства, кустарно-ремесленных промыслов, двух-трех заводиков, не было здесь никаких предприятий.

Теперь Эривань из-за хаоса переустроек — все ж выглядит чисто; и вся в электричестве; есть тротуары; расчищены сети каналов; окончен канал, отводящий прохладную влагу до Эчмиадзина; другие же — роются; новая электростанция щедро снабжает энергией ряд предприятий; и — ток посылает в поля удаленные, до Айгер-Лича, готовящего орошение для шести тысяч

пустых и сухих десятин, завтра хлопком засеянных; здесь поселяне всех возрастов втянуты в перестроенье хозяйств; горожане по уши зарылись в стройку, которой так много — хотя б... наше «стойло»: прекрасное здание с бездной сулимых на «завтра» удобств, — вплоть до вида на горы с веранды на крыше, хотя бы помещение «Полиграфтреста», хотя б «Анатомикум» — ставимый в новом квартале, широко распластанном в куче садов; иль — поселок рабочих домов, вид имеющих вилл комфортабельных, рядом с хлопковым и маслосеяльным заводами (все — новая стройка); хотя бы — карбидный завод вместе с полуготовым машинным; хотя бы — кожевенный; все это — плод достижений Советской Армении, не говоря о чудесной тамановской электростанции, этом источнике света и сил.

Я молчу и о культурном строительстве (тема, достойная книги, — не очерка); был я в фабзавуче; хлопать в ладоши хотелось, когда обошел я его; там веселая стаечка будущих спецработчиков (рабоче-крестьянских подростков) проходит градацией курсов; тут — физика, химия, две технологии (по обработке металлов и дерева), два языка, математика; тут и ряд мастерских разных цехов; машины, модели, работы учащихся; курс — трехгодичный; занятия — восемь часов (ежедневные).

Словом: здесь новая жизнь бьет ключом, поднимающим в степи сухие свой радостный лозунг.

В КРИВЫХ ЗАКОУЛКАХ

Веселое утро!

В открытом окошке распластан своим снегосахарным гребнем сквозной Алагез, точно белый дракон, на крыле

перепончатом взвиться готовый с подножий под синие выси; мутится опалово линия скосов разорванных, срезанная упаданием близлежащего верха, покрытого рябью могил, зелень Занги его омывает, пробитая кубами домиков; белые стволы тополя — эти застывшие древки зеленых знамен — между плоскими крышами стройно приподняты.

Ниже уселились печеные солнечнотенные кубики, малые, средние, башенные, подставляясь стеною, ребром, полуклином в орнаменте каменных дворигов и желтоватых заборов, построенных сменой теней (голубых, серых, кубовых и коленкорово-черных); сверкают, как бельма, квадраты их крыш из-под кудрявого садика; домики где разбежались, а где — раздавились боками: строение линий являет все уровни крыш, в сочетаниях, которые даже Сарьяну не выдумать. Зелени, то разбухая, то узко змеясь, игрою гирлянд проплывают кварталы, чтоб чаще над Зангой стоять.

Эривань подбежала слеплением стен под окошко, верандой, колончатой челюстью щерясь и белой стеной обрываясь, с которой свисает резной деревянный балкон откровенно персидского стиля; а сбоку ослепло оконце зеленорешетчатое; пред верандой на улице выставлен крышный квадрат, — распадающийся, в желтоцвете косматом, весь сахарнобелый от солнца; лохмотья известки — под ним; рябоватые камни в растресках кричат из лохмотьев о том, что они полны блох, — на проспект Абовяна; глядит из-за крыши армянка, присевшая в тени колонн у перил, упдающих в зелени дворика, где от теней полосато-пятнистые стены чернеют провалом, ведущим в подвал — под угольником нового дома, сидящим у дома со стрельчатым входом ворот, разволосых кустарником птичьим и скрывших наверно пестрятину стиля «Гарун-аль-Рашид», т. е. дворик с фонтанчиком, с пестрым ковром, с инкрустацией,

с плиточным полом, с кальяном и прочею «Персией». В сумерках облака аспиднотрупным все стало: и стены, и крыши; и ждешь, что по грифельносерой стене монотонно запляшут горбами верблюды коричнево-серые.

Все это, взятое вместе, как слепок с художества, крепкого бытом столетий, частями армяно-персидских кварталов рвет глаз.

• Хочешь крикнуть:

— Смотрите-ка: ведь орнаменту эту скорей надо спрятать, накрыть колпаком, чтобы палец корявый ее не рассыпал.

Но думы мои отвечают на думы:

— Она же рассыплется; нет колпака верхней неба; подставка — земля; и они искони выпекают сокровища всей мастерскою природы, которой продукты — музейные ценности; дайте-ка жизнь этой местности, — из-за пылей проблошенной стены встанут новые перлы в «тамановском» стиле.

Сарьян пусть рисует армянскую улочку; и в Эриванском музее прибавится комната, где Эривань, — эта вот, — оразится.

Пока она есть, очень весело быть среди кривобегущих заборов, в журчании струй, по канавкам сочащимся; утром же Карапеты, Мирзои, Мкртичи, Дереники и ряд Вагаршаков вспотевших из малых каналиков черпают ведрами воду, ее разливая на пыль, нездоровую, едкую.

Мы выбегаем и перебегаем проспект, разрезающий город от сада до взгорья, — проспект, вечерами набитый густою и громко кричащей толпой; все — бегут, и кричат, и руками махают: армяне, татары и турки, и персы, и русские; женщины в белых чадрах (и без чадр), в черных платьях, монашенок напоминают. В Тифлисе — стоят, помавая платочком, иль кепкою, молча огляды-

вают. В Эривани же ни на кого не глядят, но бегут, и кричат, рот раздрав, перекрикивая быстролетную воду капальчиков.

Коль пересечь это все, попадаешь в пустынную улочку, шага в четыре, затиснутую между стен глинобитных, обвисших листом кружевным; кое-где нарастает стена, грязно склабясь обвалом; тут жизнь спину выставила, повернувшись лицом на сады и дворы, полувскрывшись овалом ворот вырезных, розоватого цвета с зеленью каменной лепкой над ним; там бордюром навис четкий многооконник, внушительно выдаваясь в улицу; ослики под пестротой мешков пробегают; и вывесили из отверстия коврик узорчатый; громко чихаешь от запаха пряного пшата.

Нам любо войти сюда и безвозвратно здесь кануть, в пустых лабиринтах вращаясь, и оказаться потом на куриных размеров площадке с куриных размеров церковенкой, в двери которой громадный попище трясет бородищею, — точь-в-точь такую, с какими ходили жрецы вавилонские; видеть упавшую лестницу улиц с открытия верха оборванного пред чудовищным конусом, в небе приподнятым: тысячелетья в лазурях вися, патриарх Арарат из-за тучи вперился в нас, или в Сенекерима, иль в сорную яму соседнего домика; он отовсюду высовывается; везде исчезает, упавши за стену, за холмики, за толстостволое дерево.

.....

В листьях сидим на скамейке: как быть? Ехать в Эчмиадзин, или — быть в Камарлю?¹⁰

Вскрики:

— Вы?

И М. С. Шагинян — перед нами.

— Какими судьбами?

— Не знаем и сами.

— Вчера я узнала о том, что вы здесь; я звала вас в театр — вчера вечером.

Тут обнаружилось: это М. С. поднимала с постели меня к телефону; и я — не поднялся, свалившись с дорожки в постель; но, что главное, я ведь не знал, кто на меня накричит из отверстия трубки; хрипящие звуки, пощечиной шлепающие, во мне вызывают унылые воспоминания о перебранках с все тем же поэтом, который, куда ни приедешь, срывая с работы, кричит в телефон: «Когда можно вас видеть?» — «Вы кто?» — «Все равно». — «Извините, не все равно». — «Вы меня вовсе не знаете». — «Если не скажете, кто вы и что нужно вам, кладу трубку». Молчание.

Я — кладу трубку.

Такой разговор повторяется лет уже двадцать: в Москве, в Ленинграде, в Берлине, — куда ни приедешь; я знаю: зовут к телефону, — он это: охрипший, себя называть не желающий голос: вчера, заподозрив его, я не сбросился с трех этажей свое ухо подставить под хрип: он же был — Мариэттой Сергеевной.

И по традиции встреч наших добрая буря словес поднялась между нами; делюсь впечатлениями от Эривани, от красок Армении и от рассказов, услышанных о «Дзорагэсе»; в ответ — ураган междометий, меня назидających: краски Армении — ценный пожухлый ковер; разглядеть же их можно не в день и не в два; надо прочно осесть в Эривани и тщетно затщиться себе приискать помещение; сыроваренье надо поддерживать, — не «Дзорагэс», этот пока еще только десерт; не кусок откровенного сыра.

Люблю пререкаться с М. С. об орнаменте мыслей у Канта, Фрошамера, музыке Метнера, естествознании Гете, разорванном криком о сыре, разобранном социологически, этнографически и эстетически.

Вовсе не знаю, как именно я очутился в редакции

местной газеты, туда ураганными маршами вшибленный; с явным тиранством пригнав к секретарскому столу, М. С. поставила перед лицом энергичного деятеля эриванской печати, ему предъявив ультиматум о том, чтоб прислали нам завтра машину для Эчмиадзина; я — протестовал было, переконфузившись смелости М. С. под сплошной перетреск телефонов, в итоге которого было любезно заявлено:

— Будет машина.

Любезнейше начал было приносить благодарность, но был энергично повергнут и вытолкнут я центробежною силою М. С., развивающей эрги и уатты, тропическим ливнем стекавшие с наших промокнувших лбов... до Сарьянов, сердечно принявших; художник Сарьян с тихомудрой улыбкою нас ориентировал в том, что увидеть, снабдивши маршрутами дней, в выполнении которых он так помогал нам впоследствии.

Сдавши Сарьяну нас, М. С. исчезла, и буря энергии в нас улеглась, явив рост энтропии, пока не повеял тишайший пассат Мартироса Сергеевича, пресердечно уведшего к зданию музеев (картинного, литературного, этнографического), т. е. к грузному зданию ярко-коричневых колеров, белоколонному, с нишами, как все конструкции ложно-армянского стиля, которых здесь много.

В приветливых залах — история живописи: Веронезова школа, Рембрандтова школа, Баттони; вот — Делакруа, вот и Грез, и Тенирс; зала русских: Тропинин (портреты), Владимир Маковский, Поленов, прекрасно представленный; и — недурной Левитан; эра поздняя: Рерих, Коровин, Судейкин, К. Сомов (портрет), Александр Бенуа, Петров-Водкин. Армяне: плохой Айвазовский («хорошего» я и не знаю совсем), Суреньянц, интересно развернутый гаммой восточного быта (сюжет — исторический); Татевосянц¹¹ бьет струящимся,

романтизованным импрессионизмом, захватывая своей фресочной темой, «Беслан Ага»; прелюбопытны полотна тифлиских армян-портретистов начала истекшего века.

Но все заслоняет — Сарьян; его зала — омега и альфа: здесь краски слагают из вспыхов суровые синтезы местных ландшафтов, приподнятых до схемы-образа, ставящего пред сознанием: восток вообще; они — прототипичны; и вместе: они — яркий быт; в них и натурализм, и романтика пересекаются в реалистических символах философы, рассказанной глазом, умеющим видеть; будь то уголок Эривани, будь то космогония, — видишь плоды терпеливой фантазии, собранные с необъятного поля эскизов, проделанных кистью, или глазом без кисти, или осознанием ряда увиденных тем.

Встали лозунги Петрова-Водкина:

— Живопись: это — наука увидеть.

Я видел Армению — два уже дня: но увидел впервые — в полотнах Сарьяна; их вынес позднее на улицу, в поле, чтобы там развивать мне преподанное мастерство: уметь видеть.

В отделе соседнем раскопки из Ани расставлены — камни, орнаменты, утварь церковей; и кресты кружевные, и фрески прекрасные.

Преостроумно: шкафы рукописные стали витринами ряда портретов, автографов новых армянских писателей в литературном отделе; но в центре внимания — старые рукописи в фолиантах (VI, IX веков) и ряд миниатюр на полях, превращающих желтый пергамент в павлиньи хвосты орнаментики; блещет Фирдуси изысканным кружевом красок (XII век), интересны старинные акты в футлярах, с висящими дисками с них государственных, тяжелых печатей; вот грамота Екатерины о переселении турецких армян в отведенные земли

(впоследствии — нахичеванские); и вот — первейшая книга печатная; из Амстердама через Киликию, связавшую некогда с Западом эти места, привезли ее вскоре же по изобретении Гуттенберга.

Усталые, сытые от впечатлений, плетемся к себе: в раскал комнат, зажаренных солнцем; скорей — окна настезь: прислушаться к тонкому посвисту рвущихся в ветре деревьев: от трех до семи поднимается горький изысканный свист, а лицо режет ржавую сухостью быстро несущейся мути.

В шестом — у Сарьяна, который сулил поводить по предместьям, но Романос Меликьян, композитор армянский, высокий, оранжево-карий от солнца, синкопом удерживал нас, убеждая прослушать концерт с а н д а р и.

Выходим — уныриваем в переулочки; тут — натыкаемся: на перекресток, на ослика, на колоннаду, ворота с развернутою композицией двориков, перетененье веранд из-за желтых цветов барбариса; а линии крыш поднялись в розовеющий воздух — бело и утонченно.

М. С. Сарьян, проводящий по красочным тайнам, закрытым для многих, как лавки, набитые криком шелков, но с опущенными жалюзи и с заклепанной дверью, — Сарьян отворяет невиденье наше магическим словом:

— Сезам — отворись!

И «Сезам» — отворяется.

Он это делает даже не словом, а — пальцем, движением брови своей, остановкой пред (все бы сказали) загаженным местом; броском намекающим он превращает навозы в сложенье парчей, кружевеющее красным персиком на лазулитовом тоне:

— Смотрите-ка.

— Ну?

— Дворик.

— И?

— Да — вот: кадки.

Вы ждете, что далее: от Мартироса Сергеевича не добьетесь вы комментариев; он — постоит, пошевеливая своей палкой, пред кадкой подержит; и — дальше пойдет; коли зренью хотите учиться, — смотрите на кадку: наверное, — колористический протофеномен в ней скрыт; в подворотне показана будет сложнейшая лаборатория мыслей о местной культуре, которые лягут в основу почтеннейших книг, посвященных истории и экономике: быту вчерашней Армении. М. С. Сарьян, перед двориком вставши и бровью на дворик мигнув, вас поставит у первоистока ключей, эти книги питающих; учит увидеть глазами то именно, что для другого туман представлений: конкретный предмет.

Остановит:

— Вот — ослик.

И — точка.

На ослике пестрый мешок, повторяющий цвета равнины, усеянной камнем; вы сами увидеть должны; вы — «увидели»; ждете суждений:

— Пойдемте.

И — все этим сказано.

Так променада с Сарьяном по старым кварталам была припаданием к векам, проносившимся над Эриванью с седьмого столетия, взявшего город в анналы и хроники; и Тиридат, кабаном сумасшедшим обернутый (местной народной легендой), высовывал клык из свиных подзаборной, которая выглядит... мухой (о сходствах не спорят); и книжник Месроп, составитель алфавита, носом являлся из окон соседнего домика, в образе... Сенекерима Мирзонча, иль Егише Рафаэлевича, обывателя и проживателя. Поп становился тираном Тиглатом-

Палассаром¹² сумероаккадийским размером своей бороды в завитках вавилонских.

Все — ожило: в красочных пятнах.

Прекрасно — увидеть; прекрасней — заставить увидеть, снимая с зрачков катаракты: мы все — «катарактики»: видя, не видим.

— Куда мы идем?

— В классы техникума.

Я подумал:

«Зачем? Есть места интереснее...»

Здание техникума — перед нами; заходим в него: и знакомимся с очень любезным заведующим; он ведет нас по классам; и — видим здесь — форму копируют, в комнате рядом — копируют слепок; сидит в третьей комнате немо застылый старик, опершись на палку, доказывая всею позой, что он есть модель; нам показывают производство гончарных изделий: тарелки, сосуды простой очень формы; весьма интересно; но не понимаю — в чем суть?

Мартирос же Сергеевич, точно сконфузая, палкой помахивает и стоит нерешительно перед стеклянную дверью террасы.

— Идем на террасу: оттуда видна Эривань!

Суть — вот в этом, а шествие наше сквозь классы — предлог, чтоб попасть на террасу, являющую Эривань в неожиданно новом ракурсе: падением стен, зеленой и мечетей, таких пестрокупольных, ниц перед снегоголовой громадой, отнявшей треть неба, и серебро-розовой, с трещиной синей ущелья, которым разорвано тело; вот пастбищный бок поднялся так янтарно из серолиловопокатога низа, неясно простертого.

Да, Арарат — патриарх!

Мне понятно теперь, что Сарьян вел по классам, чтоб после — поставить лицом пред лицом его, — явственным, в небо закинутым: прочь от земли и глазами

и носом; волна волос снежных, чуть розовых, прядями плечи укрывших, стекает по разведенным рукам; жест отдания пламени вулканическим выдохом в небо подбросил огромное тело, чтоб многие тысячи лет простояло оно мертвецом остывающим, с дланями брошенными, с головою закинутой, напоминая ужасную эру, когда все окрестные цепи клохтали кипящею лавой; когда б увидали мы лик Арарата в то время, упали бы ниц, как вся местность; и в ней — Эривань, осужденная более тысячи лет унижаться пред жизнью гиганта; не выдержав этого — падает: кубы домов выявляют карачки безглавые; спины торчат перед конусом, вздернутым в небо; то труп старика, задавившего землю; он все еще силится: превознестись.

Но он — рухнет: геологи, щупавшие его кости, об этом поведали; трещина синяя — трещина трупная; будет чудовищный день, когда очерк гиганта взорвет, распадаясь, и миллионнопудовые камни, размерами с башни, ударятся о плоскогорие, выгнув дугою все ложе Аракса.

— Теперь пойдем дальше.

— Куда?

— Пойдем Зангой. — Сарьян возвращает меня к Эривани, когда убеждается, что космогония, перед которой поставил он, корни пустила.

Пошли вдоль обрывин реки; за спиной — заревые турецкие стены надуты висят бастионами, а под ногами и зелень, и сырость, и шумы речные сквозь кисти цветов; против — желтые суши трухлявой горбины врезаются в Зангу; и Занга вырезывает, огибая ее, мощноствольные толщи перпендикуляров базальтовых, строя над самой дорогой колонный каньон; вместе слеплен и вытянут ряд шестигранников; издали, точно медовые соты, они янтареют с отхвата горы; а вблизи громоздятся великое здание, высеченное с совершенством из екал

первозданных; не крышу подперли колонники — выторчи диких каменье, взъерошенных сверху косматым кустарником, свешенным в пропасть дороги, которой идем; в одном месте прохожий гигант, миллионнопудовою силою бронзовых мускулов впершись, колонны вогнул: шестигранники здесь образуют дугу; толщиной они в ствол полуметровый, а высотой — с десяти до пятнадцати метров; и — более.

— Вы посмотрите! — Сарьян обращает на конус, громадно лиловый теперь; в осинениях снизу свои утопил он рельефы; и, цветом раздавленной вишни светятся под снегом сияющим, розово-красным и гранным, теперь поднимал несказанные вещи игрою оттенков в темь неба, беременного первой искоркой.

— Дальше.

— Куда?

— К гидростанции.

Мы завернули за угол горы, отрезающей виды на город; и мы увидели: к горе привалясь рябоватой, рябя, как кофейным зерном, цветом сложенного диковатого камня, вполне незаметно, но прочно растет, как из почвы, прекрасное здание:

— Электростанция: строил Таманов.

— Но нас не пропустят: без пропуска.

— Я говорил уже по телефону: пропустят.

И тут открывается: все приготовил заранее мудрый водитель, пекущий прогулки с заботливым жестом хозяйки, желающей вас угостить пирогом.

Вот — тамановский стиль, сочетающий дух инженерии с духом архейским! Подходим к забору: перед часовым добродушным:

— Ваш пропуск?

Проходим.

Рабочий, приветливо встретивший, вводит широким проходом внутрь здания; это высокий и блещущий стек-

лами зал-мастерская, наполненный гулом, дрожанием, пертом и клекотом черных чудовищ, турбинных машин, четко проткнутых мне уж знакомыми стержнями; щелкает клапан: в отверстие видим мы кругобегущую воду; здесь в шуме и дрожи нет лязга обычного: чувствуешь мощи планетных осей, с потрясающей силой, но плавно, но мягко, но тише, чем следует, переворачивающих огромную косность металла: перепроизводство энергий, везде одинаковое; в этом пузе железном, и в надараратном тумане, в планетных осях мирового пространства, в осях электронных всех атомов, строящих тело мое; концентрация этих колечато движущихся рычагов и манометров — действует вырывом из всех условностей быта, истории; мысль осеняет одна: кипятятся энергии, перерождающие всю действительность края.

— Моторы!

— Гигантские.

— Из-за границы?

— Они из Германии. Эти же части сработаны в Харькове, — нам указывает рабочий на клейма (стоит на них «Харьков»), — все части сработаем.

Вид по «Загэсу» — знакомый; и без объяснения знаю уже: коли там, наверху, шестерню поворачивать, тяжко поедут над нами железные рельсы! Площадка медлительно выкатится; и опустится крюк — с нее, чтоб зацепиться за крышу тысячепудовую; быстро сорвать ее с черного чудища. Только разбросанность на километры «Загэса» здесь есть концентрация: в малом пространстве (вся станция стоила дешево, много дешевле «Загэса»), зажившем прекрасными формами, точно в кулак, все, что надо; «Загэс» — импозантен, являя бетонами по отношению к дорической ясности этой все ж путаницу, как бы... стиль рококо.

Ток — не столь уже мощный; и все ж, осветив Эри-
вань, он бросает энергию в ряд предприятий (отстроен-
ных, строимых); он дает силу в поля Айгер-Лича, ле-
жащие более чем в тридцати километрах.

— Да, да: экономии средств соответствует и эконо-
мия места.

— Поднимемся вверх?

Мы выходим и лезем: ступени бетонные около круто
бегущего, тоже бетонного спуска; в нем бешено скачет
вода; то — излишек энергии; та вон труба, сверху кам-
нем обложенная, рябовато-зернистая, брошенная по от-
косу на здание саженным диаметром, воду сжимает,
которую утилизируют: ею вращают турбины; а эта
свободная скачка, кружащая головы нам, — игры
школьника: скоро усадят его за работу, зажавши в
железо.

На вышке стоим; над обвалом пространства прохо-
дим по малым бетонным площадкам и верхом канала
скрываемся в зелени; темени неба, в себе растворив
Арагат, робко искрятся; а Эривань встала звездным
залيفом — из очерка темных каньонов.

Заходим к водителю, нас научившему город читать,
точно клинопись из колоритов; и — вечер окончен: в
кафе; наслаждаемся вкусным «м а ц о н и», пьем «Арз-
ни» («Н ар з а н» эриванский).

ЭЧМИАДЗИН

Веселое утро; и видно из окон, как вклеплен в лазури
своим снежокрылием бледным сквозной Алагез, только с
полдня на грудь поднимающий первое белое облако;

мы ожидаем машину; девятый, и — никого, ничего: только посвисты дерева; и — пескосвет.

Телефон: Мариэтта Сергеевна:

— Прислана?

— Нет.

— Как же вы?

— Да поедем с Закав-пром-пром-про: нет возможности выговорить!

— Ну, так знайте: Звартноц, Рипсимэ не увидите. Лучше еще подождите.

Ждем, через балкон перекинувшись, вслушиваясь в перебранку армянскую, очень отчетливо нам подающую звуки на «цхнэ» и на «мрчья»; и выходит сплошное: «Ацхнэмнэмерчьян». Девять: нет никого!

Тут звонок от Сарьяна, что — будет машина, «Мр а в я н о в с к а я» (Наркомпрос)¹³; превосходно, но... как же? Ведь послана «вцикская» (только сказали мне); да, из поля — две машины возникли! Одна подъезжает, — которая же?

«Эта» и «та» совместились, как в догмате о двуединстве, что главное: М. С. Сарьян из нее вылезает:

— Вы?

— Видите — я.

— Превосходно!

— Я старые камни люблю.

Едва сели, как выдернулась из-под шин Абовянова улица, улицей Ленина ставши и ряд европейских построек неся мимо нас. Вагаршак Сарапьян, наш шофер, свои зубы показывая, рвет ландшафты; и площадь является; очень нелепый собор (цвета дичьего сыра), украсился очень большой пентаграммой (кажется, — клуб комсомольский); тут ярко взорали пестроты базара, тряпьем нападая; но — брошены за спину; скатываемся из пыли над старым мостом через Зангу; оранжевый купол мечети и желтые стены с бойницами нас не успе-

ли увидеть: мы — мимо: и — врезались в гущи; приятные запахи пшата меж стен глинобитных и зеленогрифельных с белым шиповником, с красно-оранжевым цветом кустов барбарисовых, — ринулись мимо: и справа, и слева; мы выкатились из-под скатов сухих плоскогорий со скоростью бешеной; режем свободный простор, наклоняясь с дуги, поднимающей вправо, на дуги летающие (превосходно шоссе); серо-розовая, мелкотравная степь серебреет отливами матовыми, стайка розовопалевых птичек с нее лоскутами оторванной почвы — летит: цвета степи.

И тут — мимикри!

Этот самый оттенок степного покрова встречается в Азербайджане; он цвета орнамента пестрых носков обитателей Азербайджана, как цвет бороды, в какой красятся старцы татарские; птица в степи — сама степь; как татарин: присевши за кустиком, сам — кусок почвенной пестрости; ею одетый, — невидим среди поля открытого вместе с верблюдом, с мешком (на верблюде); его выдают разве черные пятна палаток, — такие же, как эти вот, мимо которых проносимся, перед которыми, севши в кружок, желто-красные, желто-зеленые женщины смотрят на нас шоколадными лицами, морщась от солнца (мотив из «Сарьяна»); то — курдки-езидки, которых религия — странная смесь из парсийских, персидских и всяких гностических мифов, — не чертопоклонничество, как иным это может казаться. Живут здесь татары, евреи, айсоры, армяне; кочуют — цыгане.

Земля — с древним запахом: в чобры и в мяты влиты испарения староармянской и староперсидской культур, закурившихся, верно, от старых жаровен, от сумеро-аккадийских, потом ассирийских; здесь жив Вавилон: поглядите на бритые профили, губы, носы эриванцев, приставьте к ним длинные клинья бород завитых, —

вы узнаете фрески: мужей окрылённых и посохоносцев в венцах многозубчатых: профиль армянский — вполне вавилонский: и «Сенекерим», — нет, чего стоит имя одно! Здесь «айрик» (или батюшка) более напоминает жреца вавилонского, вышедшего из Ваалова капища, — не христианского.

Древнее место, выдавшее виды: гребнистый шлем грека и маршевый счет парасангов; здесь лагери между камней разбивал Ксенофонт; и сюда приходил Ганнибал, омраченный, на помощь рассчитывая против римлян, — к армянскому деспоту; с этих равнин еще прежде армяне снимались, ведомые Ксерксом на Грецию: неумолимый Шапур здесь слонами затапывал жителей.

Впаяны древности в почву; и камни природные — передряхлели скульптуру; и статуи, треснувши, в землю уйдя, поднимают кусты; не поймешь, что ты видишь: природу ль, культуру ль? Вдали голорозовый, желтобелясый и гранный хребетик сквозным колоритом приподнят пред Гекаркуником, Севан отделяющим; почвы там храмами выперты; храмы — куски цельных скал: то развалины храмов Гегард, и ущелье Гарни там с развалинами Тиридатова времени, Марром откопанными (между прочим: откопана там голова греко-римского стиля, армянской Дианы, или — Анаит); вот туда б, но мой друг — не ездок; в фаэтоне же трудно проехать.

Мы меж Араратом и меж снегокрылым сквозным плагезом сворачиваем круто влево, в аллею тенистую: то полей бледноствольных; привстал бледный призрак из сини и солнца над малым цветком, голубым и лимонным, которым трава изошла: Арарат; стоп: мы — вышли; проходим к площадке, раздвинувши чаши цветов и устув; средь песков ржавомедных — круг камня, как ружево: выбитая орнаментика.

Это — развалины храма Звартноц.

Модель целого в Эчмиадзинском музее: три яруса трех куполов, исходящих легко друг из друга (один над другим), образующих ряд капителей и окон колонных, как из лепесточков: трехкружие — точно махровый, орнаментом пышный цветок, опрокинутый над цилиндрическим телом, которое многоколонник; подножия — кружево.

Таким он — был, если верить модели; а ныне он — глыба разрытых камней, из малиновых цветиков мака торчащих отчетливо выбитыми: завитою корзиною, иль прихотливо изогнутым клювом орла, иль — медведем разлапистым; жаль, что Звартноц отклонился с дороги на Эчмиадзин, и не все его видят; но Брюсов здесь был и отметил богатство сокровищ на камне; и Линч, прежде бывший, грустил, что места эти вовсе отсутствуют в перечислениях путеводителей образовательных странствий*. Направо разрытые стены и контуры комнат; вот — явный очаг для огня; одна версия: это — остатки священного жертвенника; и — другая: остатки монашеского общежития. Тут, среди ржавого грунта, в камнях золотистых прекрасно присесть, разойдись, и задуматься, вслушиваясь в трески ящериц; некогда — едем: несемся; и издали — домики Вагаршапата приподняты; слева: близ нас, заблестала, как золотом, ржавиной меди и бронз, точно заскрежетав жеглом солнца на каменных крышах, сжав выступы, втянутые в многогранник подкупольный, церковь-красавица, иль Рипсимэ: монастырь (вероятно, шестого столетия), невероятный изяществом одновременно тяжелых и легких, но строгих пропорций.

* См. Линч. Армения, т. I, гл. XVI.

Я вспомнил часовенки Ани: колы все, чем пленяют они, — купол башенки, или — бутон, уж конечно, Звартноц, Рипсиме суть махровые розы армянского стиля: в них высшая пышность разверта строительных форм без барокко ненужного; нет ни единой безвкусной детали: все просто и строго: до трезвости, даже до скупости; вместе с тем: явность потенции к многообразию форм, вывет-вляемых — сжатых в кулак и приподнято-вытянутых в синеву, как фигуры монаха в готическом стиле; и поздний портал с колоколенкой формы не портит (XVI и XVIII век); две овальные ниши подтянуты справа и слева; абсид — между ними сидит; а шестнадцатигранник шестнадцатигранной своей пирамидкою купол построил, сжимая четыре несильные выступа (в ширь и в длину), к выси вытянув их.

Время стройки — шестое столетье; в 618-ом — церковь уже перестроена.

Припоминаю легенду, с ней связанную.

Рипсимия пре красная в этих местах упражняла свою добродетель под сенью церковного крова; из Рима к ней сватов слал Цезарь, наслышавшись о красоте ее; царь Тиридат ее требовал в жены себе; и когда отказалась, то в Ваг аршапат волокли ее; с ней едва справились; царь Тиридат в продолжение многих часов с ней боролся; побитый, зубами скрипя, от нее удалился с позором; ее заточил он в темницу, откуда бежала она; но — попалась; красавицу, мукам предавши, убили. Тогда ж Тиридат стал щетинистым вепрем и, хрюкая, бегал вокруг — пока сам просветитель Григорий, им звергнутый в ров, воздыханьем молитв не вернул ему облик приличный; царь тотчас крестился; и тотчас же стал истреблять; очень многие капища идолов. Верно, скитаясь свиньей, немало имел приключений наказанный царь, потому что потомство свиное весьма населяет окрестности Ваг аршапата: отбою от вепрей нет.

К церкви подходим.

— Войти бы.

— Она — заперта.

— Постоянно?

— Да, — кажется.

— Жаль!

Нет в Армении правильного отношения к древностям, как к документам эпохи, хотя бы научным (не требую я эстетического отношения): колонны из дерева, верх красоты, разрушаются в маленькой церкви на острове озера Гокчи; отдел же охраны — молчит.

«Рипсимэ» — церковь-уникум; не «предрас-судками» мы привлекаемся к ней; любопытством познания, которое в центрах республики нашей весьма поощряемо: спецями, как и властями; в Армении — точно нарочно «форсят» невниманием к сокровищам, чтобы за голову после схватиться; меня восхищает в Армении пафос строительства; но вандализма на ней есть пятно, никому ничего не доказывающее, как и нужник с помпезным «антрэ» в нашем «стойле», но нужник — осознан: он — временно; здесь — неосознано, что «Рипсимэ» есть действительно ценность, которую можно и должно увидеть: не только извне.

Я люблюсь квадратом из белого мрамора, впаянно-го между нишами — в боке стены, и являющим кружево линий, сплетающих крест с херувимами.

Сбоку — веселое здание: гам на веранде.

— Что это там?

— База «безбожников» организованных; их общежитие.

Им бы иметь ключ от церкви, и им бы показывать внутренность.

Едем: у самого Вагаршапата — другая церковенка, очень простая: Гаяны.

Пыль бросилась с улочек Вагаршапата, поселочка тусклого, некогда гордой столицы, не раз разбиваемой ордищей гуннов, парфянами, персами; около где-то — остатки моста через реку: река изменила русло; со второго столетия строился город Вагаршем, армянским царем, украшавшим его (прежде же Тигранакерт, меж истоками Тигра лежащий, армянской столицей был); жизнь Вагарша окончилась очень плачевно: казнил Каракалла за что-то его; после в Вагаршапате, являсь из свиного обличья, царь Тиридат поливал семена христианства; возвысилась Ани позднее, при власти Баграта; а Вагаршапат покотился по склону столетий; теперь он — поселок.

Все те ж глинобитные стены, заборы в обтрещинах, серобелые крыши, орнаменты каменные; между ними, на них не глядя, поднимаются здания псевдо-армянского стиля (недавнего) — кремовые, рыжевато-табачного цвета, рябинового: и на них — велелепие лепки уселось вмееподобным сплетеньем и лозоподобной гирляндиной; тяжеловатый балкончик в звериноголовых витках подпирается толстой колонной, и полукружием тяжким изогнут верх окон: роскошничают все карнизы; в недавнее время армяне богатые строили близ Эривани тяжелые виллы; сидели в них, книг не читая; их жены жевали миндаль и шуршали атласом.

Срезаем «базар» поворотами; Эчмиадзин, обнесенный стеною персидской и стильными башнями (как настоящая крепость), охватывает.

Мы — на ярком, зеленом дворе, посредине которого вырос красивый собор, затененный толпой толстоствольных деревьев направо, под сенью которых спасаются от пережара, пьют воду колодца веселые люди (приезжие из Эривани); просторнейший четкий квадрат из тяжелых и каменных зданий о двух этажах; в том — музей, в этом — книгохранилище; тысячи ценных пер-

гаментов заперты там; помещение католикоса, квартиры монахов, — отдельное здание; а шоколадное, новоармянское, грузное здание есть Академия, бывшая здесь. Пробегает худой, крепкожилистый, чернобородый монах, развеваясь чернейшею ризою, острые взгляды бросая на нас; из-под черно-атласного, острого куколя, длинной вуалью упавшего в плечи и за спину, — профиль орлиный лица темно-карего; взгляд не монашеский вовсе; монахи исследуют рукописи, монографии пишут — и мало «спасаются».

Линч изумлялся размерам двора; его сравнивал он с перспективой Кэмбриджа; в семидесятых годах Академия строилась; организовывались ее кафедры, курсы, правительство царское очень ревниво следило за ростом влияния ее; изучение теологических тонкостей не заслоняло поэзии, литературы армянской (и древней, и новой); не школой монахов, а высшей армянской школой силилась стать она, приготовляя ряды «вардапетов»*, имеющих явные склонности к диспутам, — не к созерцанию семи небес; «педагог» культивировался — не «отец»; часто католикосы держали себя откровенной опорой армянского национализма, — не «преосвященствами»: так мне рисуется Мкртич, например, приехавший в Эчмиадзин из Турецкой Армении, где он подвергся придирам и ссылке, и после не ладивший с русским правительством.

Древен собор. Он поднялся над старой часовней, построенной в честь Просветителя, видевшего в этом месте небесного мужа, с пылающим молотом с неба сошедшего; в память видения тут просветитель Григорий плиту положил, увезенную в Персию шахом Аббасом; древ-

* «Вардапет» — доктор, в смысле «доктор» теологии, «доктор» литературы и т. д.

нейшие части — центральные: каменный купол седьмого столетия — гранник с коническим верхом; он ранее — был деревянным; его стиль знакомый: армянский классический стиль; боковые же выступы — уже пристройки, порой очень поздние: левый портал, ржаво-розовый, кружевом высеченный, с капителями в виде звериной, протянутой морды и с переплетениями, — окончен в семнадцатом веке.

Под старой стеною — гробницы, имеющие форму каменных кубов, щербатых невидными надписями; под тяжелыми кубами мирно долеживают старые католико-ские кости, сжимавшие некогда посохи в виде сплетения змей.

За монахом, бесшумно скользящим, мы входим в собор, содрогаясь от сырости стен непрожаренных, тягеловатых и аляповатых: и ризы, и троны, и очень никчемные фрески недавнего времени; посоха златопарчевая лента, безыконостасный алтарь: перегрузка сокровищ, которые вместе не схватятся: этот резной, темный трон есть подарок из Индии; этот — дар Турции — весь инкрустирован; есть что-то коптское в нем (инкрустацию эту в Каире я видел).

Вот ризница: католико-ские, персо-сирийские шапки из шелка, парчи всех веков, всех цветов; очень тонкие, темные, витиеватые посохи в виде двух змей с расхождением глав роговатым; дар Екатерины — роскошная риза, покров аналая — подарок кантонских армян (в восемнадцатом веке армяне бежали из Турции: в русские степи, Крым, Индию, Индокитай и Китай).

Жизнь в Турецкой Армении стала несносна.

Вот — эчмиадзинский музей, где знакомимся с очень любезным ученым, хранителем библиотеки, Сенекеримом Тер-Акопяном, окончившим образование в Германии, плохо владеющим русским (беседа идет по-немецки); он водит по клинописям, иссекающим камни,

доказывая, что значение текстов, разобранных им, изменяет события общей истории в нашем сознании. Форма огромных котлов занимает меня: она слепо копирует формы котлов урартийских (VIII столетия до нашей эры) согласно рисунку древнейшему храмов с такими же точно котлами. Тер-Акопян обращает внимание на синтезы символов (древне-языческих, юдаистических и христианских) на камне; вот — символы солнца; вот — символы вечности. Нам — невпрочет; объяснитель ученый, как рыба, юркнет в эти недра за тридцать столетий до нас, где-то выюркнет и, побеседовав мило с Тиглатом-Палассаром, снова очутится перед котлом урартийским.

Вот мы — в библиотеке, тихий, тенистый и располагающий к думам не то кабинет для занятий, не то помещение музейное, блещущее чистотою; столы: грома новых исследований в виде толстых томов покрывает их; странно подумать, что — в Азии мы; обстановка — колледжа английского; но — все пустынно; трудящийся здесь ученик и учитель, себя называющий трудным разбором еще не прочитанных текстов, — все то ж лицо, нам читающее превосходную лекцию об эпохальном значении староармянского зодчества: Сенекерим Тер-Акопян.

В Эчмиадзине семь тысяч стариннейших рукописей, или — треть всех сокровищ, разбросанных в мире: то — первоисточки всех знаний о древней Армении; Эчмиадзин в этом смысле оспаривает и Париж, и Оксфорд; специалисты должны здесь сидеть, уткнув нос в манускрипты, — годами.

Тер-Акопян нам показывает миниатюры армянского стиля, который традиция уже вчерашнего дня, ошибаясь, считала сирийским (сирийский стиль сложен армянами); микроскопически яркая тонкопись красок: такой я не видел. Пергаменты: ряд медицинских трактатов

тов, толкующих об Авиценне, ряд космологических; первый роман: фигурирует в нем Александр Македонский (рисунки — персидские); тонко литые оправы из золота (это — пятнадцатый век).

Утомленные, еле выходим, сердечнейше благодаря за труду ученого, годы проведенные над собиранием данных — здесь, в Азии, передовые форпосты культуры наступающего и для всех европейских историков; солнце жжет нестерпимо; нас ждет Айгер-Лич; но история переполняет сознание наше.

Народ Урарту фигурирует в клинописи ассирийской двенадцатого столетия до нашей эры; потом отмечают его вавилонские надписи; быт Урарту выступает с эпохи Тиглата-Палассара, Салманассара, фригийские завоеватели, смешанные с яфетическими племенами, назвали народ, называемый агіпа в надписях Дария, скалах изваянных; Брюсов считает: печать иранизма лежит на армянской культуре шестого столетия; армяне — союзники персов; армянский Тигран дружит с Киром; и с ним Вавилон разрушает; Армения после — Сатрапия; но Александр, сломя персов, Селевку армян навещал; Митридат, царь Армении, борется с римлянами; в первом веке здесь грабит Антоний.

С Тиграна Великого распространился уже эллинизм; Артавазд пишет стихотворения — по-гречески; и даже гимны персидские, очень охотно скликаясь с Олимпом, Олимпом становятся; Зевсом — Ормузд; Гефест — Митрой; позднее приходит влияние Рима; и до четвертого века — борьба за Армению (римлян, парфян) рвет на части Армению; в этот период растет христианство; оно уже признано за 30 лет до крещения царя Константина; император разрушает страну; часть сливается с Персией; часть остается провинцией римской; потом Византия у персов выхватывает часть за частью армянские области.

Около этого времени уже составлен армянский алфавит (Месропом, Сааком Великим); и множится письменность, монофизиты ораторствуют; усиленно переводятся книги Филона Порфирия; и философия властвует, и процветает история: Лазарь, Леонтий, Себеос, Егише, знаменитейший Моисей Хоренский.

Арабы вторгаются; и в VII веке — восстания против арабов; с Гарун-аль-Рашида — спокойнее жизнь; упрочняется власть Багратидов в девятом столетии; содиннадцатого же — нашествие турок: разгром всей культуры, искусств и наук.

После же — Европа отрезана.

Связь с нею восстанавливается чрез Киликию, когда крестоносцы усиленно распространяют обычаи Запада здесь чрез посредство царей киликийских, из Сиса; потом — за разгромом разгром: и монголы, и турки; политическую угнетения отмечена жизнь до последнего времени.

АЙГЕР-ЛИЧ

Расстояние от Эривани до Эчмиадзина каких-нибудь двадцать четыре, или двадцать три километра, — не более; и километров пятнадцать лежит между сооружениями Айгер-Лича, где малое озерце стало большой оросительной станцией; просто какая-то раскоряка дорога от Эчмиадзина: топорщится кочкой и камнем; горбатинной пнет; закружится сухой перетрещиной; мы и качаемся, мы — и кидаемся: то — друг на друга; то — друг пред другом; кусается солнечный диск: то ухватит за темя,

светом уколет зрачок; вода, взятая в Эчмиадзине (бутылку), которой мы мочим виски, — теплота самонагреваемая; точно срывается выпррь с Арарата плащ туч; Арарат приседает под ним; и заползали под Алагезом тучи, цепляясь за склоны.

Подпрыгиваем.

— Невыносимая сушь!

Трах: подброс!

— Сеть каналов — бедна, — объясняет Сарьян, и пытается язык откусить, подлетевши над нами на быстром подбросе, — ее расширяют, как могут.

Трах: чуть не выкидываемся.

— Вы сами увидите, с какой энергией выскреблены эти камни и туфы.

— Я вижу сухое русло — «почва пориста: воды в нее утекают; залить много сот километров бетоном — нельзя».

Тарарах!

Умолкаем; и — прыгаем вместе, схватывая руками и стиснув зубы.

Название речки — «Севджур» (это значит прохладная, черная): зло насмеясь над землей, ее жаждущей, уподобляема просто козе неудойной она; за нее принялись; и серьезно: ее привязали каналиком к озеру, коли нужно, то выдоят: с помощью озера, не позволяя воде просочиться сквозь дно; воды ж озера — тема старой народной легенды, весьма отразившей действительность, — т. е. связь указавшей меж озером и меж родпочвенною водой Алагеза: пастух забыл палку, упавшую в лужицу, образовавшуюся меж неровности почв Алагеза; когда он вернулся за палкой, исчезла она, упав в трещину; и оказалась вдруг в Айгер-Личе, весьма далеко отстоящем; мораль: Алагез наполняет подземное озеро влагой.

Легенда теперь получила научную базу.

Въезжаем в селение (кажется, Норк); по кривулинам, пыль изрыгающим в нас, и пожаром кусающим улочкам наша машина, потрескивая, тархтя, выбарахтываясь, перетаскивается; арбы заградили; затыкались в шины кротчайшие буйволы; но Вагаршак Сарапьян, скаля белые зубы от тщетных усилий и перекривясь над рулем, заставляет машину проделывать все чудеса акробатики, т. е. подпрыгивать, в воздух поднявши сперва — колесо, потом два колеса; я же жду, когда в воздух подбросятся три, и мы бросимся вниз головой под колеса; тут вырвались мы в ноздреватый растрескбуерачного поля, в котором под солнцем, наверно, себе рандеву назначают гадюки, где жалом, как фаллоу фрака, грозит в небеса скорпион среди тарантулов скачущих; здесь в тарантеллу пустились; машина и мы.

— Айгер-Лич.

— Где?

— Вон там.

И на склоне, оскаленном издали, чуть прожелтели барачки; ни — тени, ни — деревца: жить здесь ужасно.

Меж тем, — здесь живут больше года, в ужасных условиях, среди москитов, копяся в сырости, в камне коряжистом; Ширмазанян, инженер, здесь ведущий работы (он даст объяснения нам), залезал в ледяную, ноябрьскую воду, — рабочим пример подавая; работу нельзя было бросить, а ноги — смерзались; да, да: ревматизмами заболели; косила людей малярия.

Уж мы подъезжаем к поселочку, пересекая пустые каналы (на днях — пустят воду); у дальнего склона малеет присевшая к озеру стройка; над верхом поднято здание, темнорябое, как почва, едва выдаваясь двумя небольшими, у бока сидящими выступами с черепитчатым верхом; дивишься пропорциям и скромной грации форм.

— Кто построил?

— Таманов.

Заметил: кто-то выходит навстречу: т. Ширмазанян, инженер, худой, быстрый и жилистый, из-под очков зирает нас красно-коричневым, перегорелым под солнцем лицом: и, узнавши Сарьяна, подходит вплотную.

— Пожалуйста...

— Вы извините, пожалуйста, нас.

— Отчего ж: покажу, — выходите: тут — берегом! Берегом мы пробираемся; вижу, — змея под водою гальсирует, в легких восьмерках уплясывая в глубину.

— Водяная?

— Зачем: она — с берега; ишь, как купается... Много их тут.

Обтираясь платками и прячась от солнца под зонтиками, приближаемся к сооружениям, а Ширмазанян усмешается:

— Вот погодите-ка: годика через четыре, когда вновь приедете, я поведу вас по пышным аллеям, которые вырастут; эти же склоны пустые лозой виноградной завьются; в полях будет хлопок; вода зажурчит.

— Когда пустите?

— Дней через десять откроемся!

— Как велика оросимая площадь?

— Рассчитывали десятин на пять тысяч лишь, а оросим — целых шесть.

— Сеть каналов большая?

— Коли ее вытянуть — верст эдак триста; каналы — два уровня: на десять метров приподнят над уровнем озера первый; на двадцать — второй.

Входим: видим — огромные черные трубы, изогнутые, как удавы откормленные, образуют могучую петлю, проткнув твердый пол из литого бетона.

— С бетоном-таки повозились: подвоз материала — бийственен был: стоил дорого, не поспевал к нужным

срокам; дорогу вы видели: адская! Я — ломал голову: что предпринять? Осенило раз: да материал под ногами валяется: щебень; притом — даровой, измельченный, прекрасный, возить не приходится: не оберешься; когда отдал распоряжение его собирать, надо мной хохотали крестьянки; а после — тащили, возили его; экономия все же большая; и — прочее.

Под полом — всхлопы воды, просочимой везде; тянет сыростью в поры бетона; система насосов тяжелыми поршнями тащит из озера воду энергией, посланной станцией, равной двухтысячному табуна лошадей; та труба круто тысячи тонн водяных вносит на десять метров; и на двадцать — эта: сизифов труд корпуса из водовозов, которые были бы мобилизованы, чтоб исполнить работу двух труб.

— Персонал?

— Самый скромный: пять-шесть человек; их достаточно, чтобы машины работали.

Я поражаюсь принципом: по отношению к принципу всех гидростанций обратен он: не повышение уровня вод, — понижение их здесь кладется в основу.

— Смотрите-ка: уровень прежний.

Вон след его виден над нынешним уровнем озера:

— Сильно понижен.

Ничтожное озеро — неисчерпаемо прочно: и ночью, и днем водовоз Алагез тащит воду под недрами; с речкой Севджур, протекающей выше, каналом вырытым связь установлена; при недостатке воды (коли там Алагез забастует) вода притечет из реки; и нормаль — восстановится.

— Стоимость станции?

— Два миллиона: приняв во внимание сложность работ и огромные тяжести их, наконец результаты — цветущую площадь в пустыне, — недорого; риск же огромный был: соотношение почв и подпочв очень по-

истых и прихотливых, казалось невычислимым; необходимо учитывать было различные ингредиенты; все это — сложнито: все стоило денег и времени; трудности — побеждены.

И т. Ширмазян, сняв картуз, улыбнулся.

— А что население?

— Ждет не дождется воды; ежедневно — приходят крестьяне: справляются, радуются; силу черпаешь, видя такой доказательный отклик; послушайте-ка: мусульмане седые, погрязнувшие в предрассудках, в молитвах мешают аллаха с советскою властью. И как же не радоваться, — из-под стекол очковых блистает глазами он, — когда в Армении нет человека, не втянутого в революцию быта.

Живейше беседуя, тихо подходим к поселочку; воздух работы, хотя и тяжелой, меня веселит; даже пустошь не кажется пустошью; хлынет вода; приподымется хлопок, чтоб бросить тюками прессованной ваты в текстили различные, чтобы отжимами масляными население кормить и дарить населению мыло: в растрещинах, полнящихся скорпионами, персики и миндали приподнимутся:

— Милости просим: ко мне!

Еще долго сидим в комнатенках т. Ширмазяна за чаем, душистым и крепким, беседуя о перспективах; поддакивает нам и т. Вагаршак Сарапьян.

Уже поздно: спадает жара; пора в путь.

И прощаемся с милым хозяином:

— Счастливо вам открываться!

Через несколько дней узнаю из газет: Айгер-Лич — функционирует.

Вспомнился мне инженер, показавший чудесные тайны ужасно тяжелой работы, отбросившей в прошлое миф о «проклятой» реке.

Стало весело.

Быстро неслись в горизонты, играющие перелетом сквозных колоритов с хребта на хребет, пока дико не вспрыгнули: стоп; гвоздем шину разрезало; но Вагаршак соскочил, надел фартук, поставил подпорку под ось тяжелой машины; и, быстро негодную шину сорвав, колесо облек в новую.

Мы понеслись ураганными дугами: на Эривань.

ПРОИЗВОДСТВА

Сегодня — осмотр производств; выбор — разнообразен; колеблемся: надо бы видеть и это, и то; например: гордость края — коньячный завод.

И твердят нам:

— Коньячный, коньячный — смотрите коньячный!

Не хочется: он развивался при старом режиме; а мне интересны: природа, строительство новой Армении, даже развалины многостолетние, — вовсе не «старый режим»; отправляемся не на коньячный — на хлопковый; начали строить его в 23-м году; он открылся в апреле, чрез год; всей структурой машин, соплетенных в огромное тело, он есть три завода, в которых — ряд производств выгоняют продукты из этого, двухлепесткового, нежного вида растеньица, напоминающего формой листьев наш клевер (тот только трехлистен); все части растения утилизируются; здесь жмут масло, а там отдирают волну от семян (в отделении первом), расчесывают и прессуют; масла обрабатывают во втором отделении; это и есть маслобитный завод, в третьем — варится мыло (завод мыловаренный). И триединство

одов — живой организм, поедающий жадно зубами
тами машинными тонны сырца, проводимые мощной
кой из металла в чудовищнейший маслоструйный же-
док; здесь масло просасывается системой сосудов,
кровь; шелуху же сжигают.

Завод расположен в обстаньи заводов, карбидного
механического; тут же рядом — рабочий поселок: ряд
менных вилл.

Мы стоим среди строений, не очень высоких, —
давшихся вширь, поражает размерами мощный
рай из природного коричневатого камня, набитый
гими холстинными кубами; хлопок прессованный в
их: десятипудовики эти выбрасывают на платформу
железнодорожную; ими грузятся вагоны, которые с
того места отходят в Москву.

Двор же перегороден решеткой; у входа ее — часо-
й оперся на ружье; вот заведующий, инженер Агами-
в, строитель заводов, выходит и осведомляется: что
ужно нам; но, узнавши, в чем дело, ведет нас в сарай;
оттуда проводит по всем помещениям завода, читая
прекрасную лекцию по анатомии и физиологии целост-
ного организма машин; начинает с растеньица.

Вот оно: бледно-зеленое, нежное, склонное к заболе-
ваниям, а вот — «сырец», т. е. смесь из зерна с
хлопконцами.

Хлопок есть важная отрасль хозяйства; достоинства
каждого хлопка равняют его с туркестанским; засе-
вая площадь в одном Эриванском районе захватывала
войны десятин 40000; «сырец» собирался в коли-
честве семисот тысяч пудов*; производство упало с
войны; а дашнаки — добились хозяйства; и хлопок не

* Эти данные заимствую из главы прекрасной книги М. С. Ша-
гинян «Советская Армения».

сеялся вовсе, лишь в 22-м получили едва семена туркестанские, да наскребли из остатков, посеяли площадь в 700 десятин; учреждают кооперативы по хлопку, расширив кредит, семенами ссужая крестьян (семена — сорт «кинг»); увеличивают и посевную площадь; теперь обнимает она десятин до 15000; кредит покрывается взвешенным, сданным товаром; теперь обратили внимание и на селекцию даже.

Заводов хлопкоочистительных — два: один — в Сардарабате, другой — в Эривани, в последней поставлены новые линтер-машины новейшей конструкции, выписанные из Нового Света; всего за два года с нуля поднялось силовое хозяйство до 350 лошадиных сил. Время работ по очистке волокон — 6 месяцев: от октября до апреля; и с мая — ремонт отделения (хлопкового).

Мы проходили сарай; груз тюков миллионнопудовый вмещает он: кубы холстинные до потолка поднимаются и образуют ущелья; прессованный хлопок — твердеет, как камень; у выхода вспорот мешок с неочищенным хлопком; пощупали белые зернышки, меньше кофейных, как почки верб, бархатистые, впутанные в паутину волокон, которые быстрой машиной сдираются; горсточка зерен, коричнево-гладких, прошедших сквозь строй отдирательный, в масло идут.

— Вы возьмите на память себе, — нас дарит инженер Агамиров, — они трижды чищены.

— Сколько пудов волокна добываете в год?

— Двести тысяч, — на стоимость до четырех миллионов.

— Куда идет хлопок?

— В Москву; только тридцать процентов берет у нас Ленинанканский текстильный завод.

Отделение: где очищают волну снеговую, расчесанную от зерна и от сора; машины бездействуют: время

емонта; и — все же ясна нам система машин отдельных (пять их), сплетенных конструкцией мощной трубы, чрез которую поршни просасывают поступающие материалы; труба идет верхом; под ней — пять жерудков, куда попадает сырец, чтоб очищенная от зерна оболочка масса, прочесанная гребешком стальных вилок, полностью волос упала бы, а семена осыпались бы в трубу, там передвигаясь на винтовых поворотах; винт — трубы пронизывает: вид — стального кишечника.

— Это и есть джин-машина.

Их пять: стоят рядом.

— А сколько они очищают?

— Сто тысяч пудов ежемесячно.

Воздухом сжатым прессуются беловолнистые массы.

— На них гидравлический пресс давит — силок триста пятидесяти атмосфер.

— Вот так так!

Тут железными мускулами схватывают то, что было растеньищем нежным; зеленое поле в мгновение ока раздавлено, выжато, сварено; мыло, красное масло и желтое, ряд пирогов маслянистых, жмых, масса волны белорунной.

А с семян трижды сдирают пушок; в отделении этом — один раз, и два — в маслобойном; машинами спаяны оба, как органами — организм.

Вот — засыпчное отделение: семя, толкаемое винтовым поворотом, берет элеватор: сюда, в маслобойный завод, где машины сердитым журчаньем вытрясают из него сор и грязь; после вытряски семя вторично берет элеватор, откуда оно высыпается и пневматическим ситом трясется; то — «линтерное» отделение: по роду машин, называемых линтер-машинами, привезены из Америки; там, в отделении подпольном, приводят их в действие; мы тудаходим; системы ремней — сумасшедшая пляска; и стержней слепитель-

ных — быстрь вертолета; в безлюдии — визг, шелк, бега, трепыхи, мараморохи; все это — прядает, вертится, бесится; все это точно кричит на тебя: «Осторожней, — калекою будешь!»

Все — в полном ходу: маслобойный завод функционирует летом.

Новая камера, где раздробляется семечко, брызжут скорлупки, а ядра — дробятся, и сыплется желтой, рыхлой дорожкой мука; в отделении новом — поджар; задыхаемся; пекло, томительный масляный запах; машинные части и люди в передниках — желтые и маслянистые; капает душная, душу мутящая желчь; люди, жареный этот товар завернув в оболочку, в машину кладут; она — хлопает крышкой, формую и жирный, и вязкий «пирог»; хлоп да хлоп: прибегают и вновь отбегают, таща «пирог» желтоватые к той или этой прессовне; их — пять: в каждой — ряд отделений, куда «пирог» всовывают, чтобы пресс давил; из ряда кранов — струение желтое; пресс регулирует аккумуляторы (над потолком): мы туда подымаемся: сооружения — страшные: грузы тысячепудовые, как кулаки, на подставках трясутся, чтоб пресс давил правильно.

Мы переходим туда, где уже очищается масло: платформы; к ним — лестницы; всходим, — и посмотрим в глубь чанов. Нам — черпают масло.

— Попробуйте.

— Нет вкуса пробовать! брр!

— Очищается содой и воздухом.

Масло идет для еды, а остаток, «саабсток», идет в мыло, поблизости — лабораторийка, где производят анализ продукта (контроль), где прибор титровальный, весы под стеклом; вспоминаю, как я, четверть века назад, под такими ж весами часами просиживал¹⁴.

Новая комната: мелется жмых; шелуха — сжигается.
— Нас отопляет! зачем пропадать ей?

— А сколько на масло зерна идет, в год?

— Миллион пудов.

— Много!

— Идем в мыловаренное отделение!

Ряд камер: котлы кипят; рядом формируется мыльная масса в двухметровых формах; потом она сушится (в мнате смежной); потом — разрезается тут же, большой штампальной машиной (нашей работы) кладет-клеймо.

— Глицериновое отделение при этом откроем!

Второй контроль: барышня в фартуке белом — студентка-химичка.

— Вот!

— Все?

— Теперь — поняли?

— Как не понять!

Объяснить в кратком очерке переплетенье машин возможно; здесь часть объясняема лишь в целом, как та — в мелодии. Целое же — индивидуум; части машин — те же; а сочетанье — текучее, неповторимое: ма дана лишь в вариации, в строе машин — этом ст, выявляющем неповторимо особенность этого только завода, зависящую от энергии, места, страны и количества в нем производств, и особенность этой — двой человеческой мысли конструкторов! строй, нами денный, не предусмотрен учебником, планом, а тем, о завод — три завода; и будь их четыре, иль два, — иное в нем было бы; силы природы — одни; те же ни у тел, те же кости; но кости фламинго — не сти слона, хотя вытканы тою же плазмой.

Завод — этот хлопковый; тот — тоже хлопковый; тот — еще маслостойкий; и все в нем — не то уж. Машины, в отдельности взятые, — нуль; механизм есть нуль; в организме, в градации каждая смысл лучает особый, которого в правиле вы не учтете;

в оттенке, в чуть-чуть, — смысл завода, или nonsens его, будь он выстроен «правильно»; автоматически построить завода нельзя; механически складывать части машинные — то же, что вирши слагать, или вальсик набренькать; завод же — симфония; есть композитор, сложивший ее; дана тема — намерение: сочетать органически данность условий в конструкцию круга машин; контрапункт вырастает из этого; о нем не скажешь, что правилен, или неправилен он; он — талантлив, бездарен, а вовсе не правилен.

Вышел с завода, глубоко утешенный, — чем? Что завод существует? Ни капли. Тем именно я вдохновлен, что процесс проведения «процессов» по ряду машин подчиняет удары машин — ритму: не метроному; и вот! «трехзаводье» — органом пропело; проход по градации камер — чудесное чтение нот: нет, не производитель и не потребитель, во мне ликовав, а — свободный художник, увидевший стиль «этот вот», а не мертвенную кинематику азбучной физики.

Вышли: гигантище-бак.

— Сколько может вместить он пудов?

— Пятьдесят тысяч.

Старый рабочий ведет показать нам квартиру свою; двухэтажное чистое здание (каменное), с видом виллы; опрятные сени и чистая кухня; она же — столовая; светлая комната; вот тип квартирки; их — несколько в доме.

Карбидный завод — серокаменный, новоотстроенный; мы — на дворе, куда многие выходы из помещений машинных открыты; ведут нас туда; инженер объясняет конструкцию.

Из-за границы недавно выписывали мы карбид; это — первый карбидный завод, обеспечивающий в скором времени вывоз не только карбида, но и производных его; карбид — соединение кальция и углерода

Ca₂); твердейшая шероховатая масса с чесночным ушливым запахом на электроды идет, обеспечивая плавление; вот материалы карбидного производства: «О», или известь, и уголь («С»); процесс очень прост $O + 3C = CaC_2 + CO$, или сплавление извести с углем (большим выделением угарного газа «СО») образует карбид; известь — местная (вот ее груды), а кокс — Донбасса.

Идем в помещение, в котором показывают электроды, имеющие вид сигар черно-серых, саженных; и их печь — тарелка столовая; пек, кокс, смола входит в массы.

Идем в помещение для электрической печи (1600 вольт); печь дико зияет раскалом слепительно белым, как солнечный свет; в ней сжигается известь и уголь, сплавляясь в массы, которые — с температурой трех тысяч градусов, кажется, что и на десять шагов подойти невозможно, взглянуть невозможно: зрачки запекутся и — вырвутся молниеносно из глаз; не поднимем, не смотрим; меж тем: у отверстия самого вошел рослый рабочий с растерзанной грудью, с лицом, которое — страшно: не будет лица, а волдырь; он — ползает к недру: и там в ослепительном свете и жаром он делает что-то, спустив над глазами — щит: синий, ослепительный; снимает его, — подает:

— Посмотрите в очки.

Сквозь стекло массы чуть розовеют:

— Нет, нет!

— Что ж?

— Довольно.

Ужасно работать: во всяких условиях пекло останется тем же; и свет, разъедающий глаз, и чесночная вонь, и отравы угарного газа, — титана повалят, — не этого крепкого (все ж — не титана!) мужчину; тут нужен действительный, непоказной героизм, чтобы вынести

ужас работы; Верден штурмовать много легче; штурм — все же момент разрешимый; а эти условия труда ежедневного — что? Коль сложение машин — композиция, то исполнение по нотам ее есть огромная жертва, возможная лишь в изживании себя — в организме, где «я» — не «я»: «мы».

Исполнители — те же творцы; и — «ура исполнителю»!

А «исполнитель», которому передаю я наглазник, глядит добродушно; да, творчество — просто здесь быть, выносить; здесь нужна дисциплина ярчайшей моральной фантазии.

— Чрез полчаса массу пустят, она потечет в металлические вагонетки.

Идем в отделение, где стынет она; рядом уже застывшая масса дробится машиной; и после в железных кадушках запаивается; вот — склады.

— В год мы тысячу тонн добываем карбида; но скоро уже производство повысится тонн на пятьсот.

Мы уносим кусочек карбида; мой друг, уложивший в карман его, скоро пропах неприятно чесночным и кисло удушливым запахом: так что пришлось его выбросить.

Едем в фабзавуч, где нас ожидает обзор мастерских; Минасьян, выдвиженец-рабочий, заведующий всею практикою мастерских (а теорией — Чахмахсазьян, инженер, руководит), крепчайший мужчина лет под пятьдесят, быстрый, властно поглядывает, вырезая словами не план обучения, а — будущее предприятий; в ярчайшей картине растут кадры спецов-рабочих, подростков теперь; вот они — в синих фартуках носятся по помещениям; через три года — дадут себя знать.

Перед нами проходит градация вырезков, простеньких, сложных, но четких и чистых, — из дерева, стали, железа; то — части, сложенье которых какую угодно

машину построит; мне кажется: все эти части (плюс
головоломки из них в виде строя машин, паутинных, а
то «бронтозавров» железных), — уж слажены
твердо, как слажены спецы, их ладившие, очень креп-
кой рукою; рука держит меч, протыкающий гидру; меч
этот — ф а б з а в у ч .

— Мы только открылись; у нас — первый курс;
сторокурсники — с осени; мест — 330; а через пять
лет триста тридцать рабочих, практически вооруженных
теоретически мыслящих!

То произносится крепко, уверенною демонстрацией
ряда работ мастерских; как будто вырезывается из мас-
сы металла стальная конструкция края.

Проводимся по мастерским разных цехов: токарный,
лесарный, литейный (чугунное дело и медное); рядом —
музичный цех; мельк многозначный машин; и станки:
для вырезыванья; для точенья; везде экспонаты работ; —
квадратов, углов, вырезных, выбивных, или выточен-
ных элементов, до... сложных; но чувствуешь: по всем
частям, всем рукам вырезавшим, по даже... машинам
пришлась мускулисто энергия т. Минасьяна:

«Он» — всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины...
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, охраняет...¹⁵

Идем в отделение столярное и в отделение модель-
ное.

— Видите, — вот: части мебели; стулья; ряд рам...
И ф а б з а в у ч е будут: столовая, клуб и музей.

Ряд станков:

— Они — выписаны из Воронежа: нашей работы.

— Ну?

— Чисто работают.

— Как заграничные?

— Чище.

Усталые, еле держась на ногах, мы выходим, сердечно прощаясь с т. Минасяном; Сарьян поднимается с бревнышка, где он нас ждал; улыбаясь, жалуется.

— Я — устал; голова — переполнена всем этим.

«Все это» — радуется; «все это» — плод коллективной работы: рабочих, правительства и, наконец, населения; «всем этим» может гордиться Армения, точно взметенная в вихри строительства из пепельной смерти, как феникс.

.....

Дни, туго одетые в пестрый поток впечатлений: я в них растерялся; что, где и когда? Помню день; в нем — беседу душевную с М. Шагинян в густотенном армянском саду; помню чай у Тамановых с М. С. Сарьяном, Я. С. Хачатряном¹⁶; и встречу с армянским писателем Чаренцем¹⁷, чей интересный роман* (в переводе на русский) читаю я.

Литература Советской Армении — в трех группировках себя изживает: 1) «Союз пролетарских писателей», иль филиация «ВАППа» (сюда — Мкртич Армен, Маари, Алазан, Наири Зарьян, Егише Чаренц); 2) группа «попутчиков» (тут — Зорьян, Дереник Демирчян и т. д.); 3) «Союз армянских писателей».

По приглашению Атанасьяна¹⁸ пошли мы на вечер «Союза»; он был посвящен Спендиарову.

Краткость эскиза мне не позволяет подробнее зарисовать впечатления, которыми был переполнен; скажу лишь: я счастлив увидеть народ, стародавний, как мир,

* «Страна Наири».

то исполненный сил, обитающий в невероятной природе,
богатой сокровищами; старый мир погребал его заживо;
то он встает над развалиной старого мира.

.....

Торопимся: спешный визит в «Н а р к о м п р о с»: при-
нести благодарность за гостеприимство, содействие целям
моим, за машину.

Мы — едем с Сарьяном; маршрут: Эривань — Ди-
лижан — Караклис; нас везет Вагаршак Сарапьян, хо-
рошо нам знакомый.

Погода — двусмыслица: стал Арарат невидимкой,
но виден еще Алагез; коли скроется — вместо Севана,
одетого в горный венец, будет — тусклядь.

СЕВАН—ДИЛИЖАН—КАРАКЛИС

Пять утра.

Я — к окну: Алагез срезан мглою; поездка расстрое-
на: гадко.

Звонок от Сарьяна.

— Я слушаю.

— Ехать ли? Горы — в тумане; там, может, и в
снег попадем.

— Отложить — тот же риск: и потом — ожидание.

— Так едемте?

— Едем.

— Все теплое, что у вас есть, наготове имейте: беру
с собой шубу.

Похож на капустный кочан, облеченный в фуфайки,
барашковой шапке и с ватой в ушах; мы — на славу
верчены: жарко; кусок Алагеза проткнулся надеждою.

Чул тарактеные: машина; в ней М. С. Сарьян, едва видный из пледов своих.

Уминаемся кое-как.

.....

Тронулась улица; домики прыгали в лоб; и — снимались сады, обстающие всходы наклонов, так вся Эривань, точно табор, тащилась вниз, изменяя предместья свои, под селением, сдвинуто шедшим под ноги; а горизонтальные местности, угол собою построивши и горизонт уронивши, его круто вздернули: перед лицом; складки почв, взятых в воздухе, точно взвивали.

Средь ровного моря мне тесно становится; а на подъеме все то, что себя выдает горизонтом, становится точно развернутой, падающей перспективами тканью; ты видишь — ряды горизонтов; земле нет предела.

Машина рисует орнамент сечений конических по позвоночникам почв: и уныривает в тень каньона, и снова выюркивает из-за ребер их, и забирает все выше; там Гегаркуник стоял, в тучах укрыв серебро; он теперь — сел на корточки: за холмогоры; мы — выше, он — ниже, неясен возлет; но упад Эривани отчетлив; равнина отброшена за километры нагорьями, скачущими галлопадой: и ниже, и ниже; редеют туманы, сквозящие глубию; штурмуем холмы, как редуты; предел за пределом роняет рельефы белясье, полные бледно-лиловых теней, угущаемых ниже еще в чернь ущелий; над ними несемся; их ниже на много сот футов, — в каньонах не видных, под облаком, может быть, — там отошла Эривань.

Где степная Армения?

Или она — самобранная скатерть, нас взвившая к дымокопениюм? Серокофейный верблюдик, игрушка ребенка, скатился с нее в упдающие горизонты, топящие тучей хребет Агридага; меж тучами небом очищенным

ит нас волнистый зигзаг перспективы; сидят велика-
и, хмурьем очерняя подножные ребра, где скрыт
Агагез.

— Жаль: отсюда его можно видеть во всей его си-
е, — негромкая жалоба пледов (верней, Мартироса
Сергеевича, мне из-за них отвечающего).

Отлетело село Канакер; Абовян в нем родился, ар-
мянский писатель, заставший персидскую власть еще,
ранно пропавший потом; утопающий в синем прихму-
е базальт, прорастающий мохом, отрезал разлет кило-
метров; пятно снеговое гигантским лицом из разрыва
друг вылепилось.

— То — горная область Котайк.

И — развилка дорог:

— На Арзни, курорт местный: Арзни — пили вы?
Телеграфные линии, две, то сойдутся столбами, то
снова расставятся.

— Эта, другая, — английская: через Армению — в
Индию.

— Далековато.

Сухой Фонтан, первый из тех молоканских по-
селков, которые Гокчу обсели; и крыши углом, и окон-
а резные (по-русски); сидят на завалинках бородачи в
картузах; снова — скосы утеса, стеклом вулканическим
полные.

Высимся в сумерок шаткий; туманы — колоссы, ме-
няющие очертания, — космато сидят в одном уровне с
нами; показывают пятна снега; и — снова их прячут;
ниже, вырезываясь красно-розовым мрамором ребер
и нежно-сиреневым тоном, ущелья крутого восхода под-
няли темноты теней, выше — срез дымовой.

Агагез — не просунется ли?

Не просунулся.

И — в седловину летим: на селенье Кахси, где и
сыро, и слякотно; видно: мочило и будет мочить; снова

темно-зеленый гигант из-за дыма как белым галопом своих снеголеплин пустил в нас; приток реки Занги, невидный нам, где-то кипел своим мраморным ложем; назад обернулся: ни ребер, ни туч; но летит серо-черная сырость завесой с земли до небес; и на ней выступают неясные черные и черно-синие пятна; и два ряда линий рисуют рельеф: там ущелье простроилось мрачно-туманною челюстью: брр, а — красиво!

— Ущелье Мисханское.

Ехали в сумерок; нас догоняла полночь; стоп: гвоздь распорол колесо; Вагаршак заработал под кузовом; стало прикрапывать; хлынули тучи из центра ущелья; зубец, как испуганный заяц, на свет дневной выпрыгнул; и, увидавши, что тускло, опять упрыгнул в свой туман.

Куча пледов заметила:

— Воды Севана.

Рука из-за них указала на зеленоватое пятнышко, еле бледнящее муть; ряби крыш: то — Еленовка.

Я ожидал, что к Еленовке — спуск; мы ж стоим на прямой, почти ровной дороге; забыл, что громадное озеро Гокча («Севан» по-армянски), длиной до 75 километров, есть чаша, которой подножье—хребет, а края — иль венец из хребтов, поднимаются на высоту десяти, иль одиннадцати тысяч футов, почти достигая высот Алагеза.

Стояли под дождиком, сирозонты распустив; я роптал:

— Не везет мне; я — в горы, а горы — в туман.

Но Сарьян успокаивал:

— За перевалом Семеновским, может быть, — солнце.

Машина исправлена; кисло поехали: дождь барабанил; кругом к водопою спустилось стадо туманов; Севан омутнел; и все скрылось.

Проходим к духану; вполне увлекаемся сладкой фолью; Сарьян исчезает и после является с крепким, весьма загорелым мужчиною, сопровождаемым благообразным седым стариком.

— Капитан Каспарьян, Эдуард Иванович, заведующий Севанской флотилией, плававший по океанам и всяким морям, теперь плавающий по морю Севанскому.

— Что ж, — наше море другим не уступит: пребурное... — и капитан Каспарьян выражает рукою, какие тут бури бывают; седой старичок сел с ним рядом; Сарьян шепчет:

— Это отец председателя ВЦИКа Армении, очень типичный армянский крестьянин.

Беседуем.

— Я приготовлю моторную лодку и сам повезу вас на остров; но лодку испробуют: волны сегодня. Пока осмотрите вы станции наши: ихтиологическую, метеорологическую.

— Куда ехать: ведь хлещет.

— Ну, вот, — пустяки: будет солнце.

— Как?

— Удостоверитесь; я же — пока...

Капитан Каспарьян исчезает.

Туман не разрежен; дождь — хлюпает; немые отвесные сине-свинцовые скалы: на той стороне.

— Сколько верст в ширину?

— Да верст девять, а ниже, на юге — и тридцать, и сорок.

У берега серые домики русского типа; в Еленовке, как и в селеньях окрестных, живут молokane; есть школа; и даже: читальня; я вспомнил, что здесь обнаружили клинообразные надписи и ряд остатков старинного водопровода: времен урартийских; по берегу здесь города урартийцев лежали; теперь же раскинуты станции: группа ученых работников гидрологические изыс-

кания ведет; сеть разбросана гидрометрических пунктов, где собираются сведения годового количества влаги; длинный ряд водомерных постов на речушках, впадающих в озеро (их двадцать восемь); в горах — дождемеры; а в лабораторийке деятельно производят анализы: почв и воды; туда входим: ряды холодильников и просушителей; барышня очень толково дает объяснения и в заключение дарит «Бюллетень» метеорологических данных (печатные выпуски).

Все же главенствующее значение Севана есть экспорт форелей, которые величиною и нежностью мяса побили рекорд мировой; разведение форелей и лимнологические изыскания — задания станции, руководимой М. А. Фортунатовым; его супруга нас встретила и показала музей (экземпляры форелей), работы, приборы различные, сопровождая показ интересною лекцией:

— Организуются транспорты наших форелей в Париж, где они вызывают восторг; сами видите — весом не менее пуда.

И видим мы: в банке — чудовище-рыба: с аршин.

Воды озера полны комплексами видов форельных; представлены — карповые, усачи; в икрометный сезон рыба тянется к речкам севанским, иль плавает у берегов; ее ловят безжалостно; вместо запрета и кар разведение убыток с лихвой восполняет; при лабораторном оплодотворении девяносто процентов икринок становятся рыбой; в обычных условиях — лишь пять процентов.

В Севан лущен сиг (сигов не было); рост его — быстр, так что сиговое производство — откроется.

— Сколько форелей вы ловите в год: с миллион?

— Двадцать.

— Вот как!

— Завод — второй в мире.

— А первый?

— Завод Мичиганский.

Прослушавши ряд объяснений и поблагодаривших, работающих над прекраснейшим будущим озе-
а, спешно уходим (моторная лодка нас ждет); да, и
десь закипела работа; недавно еще, развернувши кав-
азскую карту, ткнув пальцем в Севан, я подумал: «Вот
душь интересная; но — как доехать?» И что же: до-
ога — ковер, по которому быстро несешься — не в
душь: в храм науки; тебя окружают утонченные пио-
еры культуры и ты получаешь в подарок «Труды»
ряд научных статей с приложением их резюме: по-
емецки, армянски)*.

У берега пляшет моторная лодка на бледно-зеленой
олдне: у руля капитан Каспарьян; он нам машет рукою:

— Вот видите?

— Что?

— Проясняется.

Муть, разодравшись несетя в клоках; островок, из-
алека приподнятый, ярк на мути:

— Туда!

Тарарахая, вздрагивая и качаясь, несемя; за бухтою
елогребенные волны оплевывают, растащился туман над
олочно-зелеными ширями; луч — все запрыгало сол-
ечно; солнечен и набегающий остров, на ребрах своих
ыгибающийся, как на лапах, — смеющийся, весь зо-
отой: золотокаменные, или ржавожелезные лобины,
иснущие строем скосов, в которые бьется алмазно
квозная вода лазулитом своим; эти тяжкие лобины,
ысыпавшие пески золотые, трухляво изрытые ржаво-
мясою морщью, — рукой Бенвенуто Челлини построе-
ы; остров, исходий в пятнадцать минут, предстает зо-

* «Труды Севанской озерной станции», т. I, вып. I. Под ре-
кцией М. А. Фортунатова. Эривань, 1927.

лотою подставкою к церковке староармянского стиля, как и Рипсимэ, с ржавожареным камнем стены и со шпиком, стоящим в лазоревом небе; вырезывала — все: рука итальянского мастера.

Вскрикиваем, выбираясь на берег под каменным золотом лбов:

— Здесь бы жить!

— Что ж, живите, — смеется на нас Каспарьян, — комнат больше, чем нужно.

Показывает на сложенье одноэтажных строений из дикого камня; но окна — без стекол.

— Остаток монашеского общежития; комнат пятнадцать пустует, огромных; растащены рамы, сгнивают полы; жить — спешите, а то через годика два все развалится; был бы ремонт, и гостиница, школа, «Дом отдыха» — все, что угодно; а вы — посмотрите, — и он безнадежно отмахивается от здания.

— Все зря сгниет!

— Кабы знали в Москве, то — толпою валили бы.

— В месяц ремонты окупятся!

— Варварство это; в Москве — в коридорах живут; Шагинян в Эривани томится без комнат, а здесь — двадцать комнат готовых, гниет.

— Напишите об этом, — мне шепчет Сарьян, — ведь не только жилье: погибнет прекраснейший памятник древности, фрески, — и он головою кивает на церковь, венчающую верх холма, куда круто возносит тропа среди цветов, канареечных и голубых, густо плещущих в ржавооранжевой пористой почве, где в трещинах, как в коридорах подземных, живут грызуны: ноги лижет волна незабудок.

Церковенка; входим: алтарь расписной; фрески — чем не Джиотто? Свод — выгнутый; на капителях колонн деревянных — резьба: но все — гибнет!

— Одиннадцатого столетия церковь.

И крик вырывается:

— Надо спасти ее!

М. С. Сарьян развел руки.

Развалины рядом трухлеют: остатки древнейшего храма; видишь, глубоко внизу ряби волн; островок этот — рыба, спину свою изогнувшая, чтобы, подбросивши, вниз унырнуть.

— Приезжайте сюда, — говорит Каспарьян, — я и сам здесь устроюсь в июле; мы комнаты принорювим, тюфяки набьем сеном, с провизией тоже уладится, не беспокойтесь; купанье — отличное.

— Кто здесь живет?

— Две старушки, монах: архиерей.

Пробегаю по гребню и свешиваюсь над резьбою оранжевых ребер, искрящихся золотом в пенный разрыв хризолитовых вод.

Обежав крутой остров, отчаливаем, огибаем, качаясь, лапы обрывов, поддерживающих померанцево-желтые лобины, нежно одетые в каре-оранжевый тон альмантина, и, выпрямив линию, — к берегу! мимо Еленовки; издали остров, над рябями выгнутый, как золотой бронтозавр, каменеет.

Высоко разрезая отвес по белеющей линии (точно мелком по доске), ползет черная мушка: навстречу; ударилось о берег: и — лодка уходит в открытые воды, и маленький, крошечной ручкою машет с нее капитан Каспарьян; и сливается с лодкой; по боку крутому карабкаемся, обтирая испарину и отдыхая не раз; выбираемся точно на берег к машине, в которую выросла мушка над пропастью; воды Севана — низехонько.

Сели; и ринулись пересекать груди скал; над обрывом крутейшие вскаты к невидным зубцам; по ним — вихрь черных пашен умчался, как в небо; распластаны бархаты в зелень невспаханных трав, как гигантские скатерти, взятые загромождением вскочивших друг дру-

гу на плечи гигантов, отнявших полнеба в намерении ринуться в воздух, из-под которых мутнеет вода, мельк оврагов, набитых твердеющим и буро-серым, исчерченным снегом; Севан туда клином врезается.

Вот и село Чубухлы¹⁹.

Бирюзовые скалы; такого же цвета дома и заборы; меж пашнями странная снегопись, точно — армянские буквы; трель жаворонка из раздымков кудрявых, которые бегают юрко в обстании снежных орнаментов; травы — редуют; ни — деревца; а в горизонте пятно голубое севанской воды; на нем — крапинка: остров.

Уходим в роенье теней и кисей; земли — призраки; еле оливковым хмурым из дыма огромное что-то — без верха и низа; в верхах дымовеет; во впадинах темью пустотно мрачит; только средние линии всходов и низменностей; продолжение следует за седоватым винтящим парочком: лишь воздуховейные змеи, едва духовея, потом наливаясь тяжелой тьмой, то взлетают, то падают, точно в театре, где любят показывать метаморфозы и где перспективой играют, как в мячики; верх вдавлен низом; низ вывернуто повисает над нами овцой; из подножий — серебряным снегом верха унижаются; только оттуда, куда мы несемся, меж двух невысоких вершинок — чудовище черное клубы надуло, — на нас.

— О, о, о!

Подскок почвы все срезал, и тотчас из сыри и хмури пошли: скотный двор; дом за домом, телега, телята, мужик бородатый, веселая девушка в ярком платочке, мальчишки, и утки, и куры; свинья лопухая, грязи копытцем месящая, в профиль — как муха, с лица же, как чахлая пальма (сравненья рискованные, но проверенные личным опытом); словом — село.

— Вот — Семеновка!

— А перевал?

— За селом.

Уже вылетели; и — несемся прощелом, откуда выплывались клубы дыма, где — нет ничего кроме воздуха чистого; меркнем в нахмуре сквозном, где — вершинка направо, вершинка — налево; но линия лета сломалась вниз:

— Это — точка Семеновского перевала.

И — тут же под ноги — провал: мировой, синеватый, в котором намечено еле волненье рельефов, взлетевших со страшного дна; ниже нас, перерезав то все сверху вниз — до низин, куда взгляд не достанет, висящая в воздухе, рваная, живокипящая облачность: тщетно пытаюсь увидеть конец ее низа: нигде, ничего: в густосинем растворе, пенящемся облаком, плавают слабые пятна вершин, над которыми падаем в нечеловеческом чувстве орла; свёрт: торчит невысоко, под носом в лазурь оголенный зубец; и парочек румяный играет под серую грудь; свёрт: облачность как-то растасканная теперь быстро несется на уровне нашем; куски синевы мирового провала — светлей; из них горы приподняты с явственным лесом, встающим в покатоности пастбищ нагих, где лишь травы да наша машина; свёрт: тот же зубец, став гигантом, надменствует свыше, отметя падение наше; кудрявый парок отделенно несется очерченным облачком; свёрт: облака, над которыми были, теперь — облака, «под которыми»..; дерево первое; за ним — второе: деревья; янтарные куши над мощным оврагом, сверкучим от вод; с Эривани — ни деревца; тут же — потоп их; где голые скалы альпийского пастбища? Головы выше: нет их; еще выше: там, там янтареют прощальными пятнами; лес покрывает нас.

Так на четырнадцати поворотах оборван надоблачный лёт; и низверженным чертом машина винтит в тень ущелья, куда упадают овраги, заросшие густо орехами; выше их — сосны; выныривает черепицею крыша; их — больше: теснятся; ковровые склоны явили простор, на

котором — дома Дилижана, здоровой, большой климатической станции, тенью своей от жары защищающей летом армян; на возах везут пчелок к цветам медоносным; чахоточных — к смолам; целебные воды тут продают; водолечебница действует.

Перед духаном, в который тюрьму* превратили, мы вылезли; переминаясь, сняли теплоты; закусывали; опять сели: лететь.

Перегон Дилижан — Караклис (километров лишь сорок, а до Дилижана сто пять) я не стану описывать: память моя — ослабела, глаза же — устали; я помню лишь ряд молоканских поселочков, лагерь военный, обозы и стадо телят, затолпивших дорогу; машина, обижено плача, ползла за телячьим хвостом, барабанившим по фонарю, пока старый крестьянин пути не очистил; мне помнится грязь, следы ливня, которым пути затопило; потом я узнал, что в дороге, которой мы ехали, были дождищи; мы ловко проюркивали между тучищами больше ста сорока километров; и вышли сухими из вод, проскочив в Караклис.

Небо чистое тмилось пленительно; в нем отлитая громада, одетая нежно-серебряным снегом, как неким письмом, озаряясь, женственно нежилась, серые черчи являла сперва — бледнорозово; бледнопунцово — потом; слева темно-зеленый дракон, отнимая полнеба, менял многолапья, из-за которых часа полтора все усиливалась приподняться и не поднималась тяжелая морда; осиливали его бок; только у Караклиса отстал он.

Все смутно вставало в глазах, перепуганных мельком.

И вот — Караклис, «Дом крестьянина», весь

* Тюрьма была при царском режиме.

переполненный людом, откуда мы мальцы протягивали и туда, и сюда:

— Вот гостиница строится; летом — откроется.

— Бани; готовы почти.

С этим «строится», «выстроим», «уже отстроено» мы покидаем Армению, нежно простившись с Сарьяном и с т. Сарапьяном; коль первый твердейшим резцом в мою душу Армению врезал, второй нас провез по армянским дорогам с утонченной ловкостью, мне показав, что шофер может быть, как и Петри ²⁰, артистом.

.....

Глубокая ночь; засыпаю, качаясь под жесткой вагонной стеной; стук колес отдается повторами дней, поднимающих тему Советской Армении.

— Строимся!

— Выстроили!

— Будем строить!

ПИСЬМА

А. А. Белый

А. БЕЛЫЙ — М. САРЬЯНУ

Тифлис, 29 июня 1928

Дорогой и глубокоуважаемый

Мартирос Сергеевич,

позвольте нам с Клавдией Николаевной¹ выразить Вам нашу горячую сердечную благодарность — всяческую: спасибо за то, что Вы оказались таким, каким стоите перед нами; в мои годы всякая новая встреча с человеком либо радость, либо груз; я уже не могу относиться к встречам поверхностно; и поэтому-то трудно общаться с людьми случайно; зато настоящие встречи встречаешь как благой дар и радуешься всем существом, несешь встречу в сердце; и уже не забываешь. С Вами для меня было 3 встречи: во-первых — с человеком, с которым так хорошо и глубоко быть, просто быть (без слов); во-вторых: новая встреча с большим художником, которого прежде я хотя и знал, и любил, но теперь, на фоне Эривани, как бы вторично узнал и углубленно полюбил; наконец: встреча с Вами, как с

онким, глубоким краеведом; Вы с такой художественной чуткостью показали нам панораму края, в который надо долго вживаться и который не исчерпашь легучим пролетом, как наш. Но Вы дали ощутить всем существом неисчерпаемость Армении, которая стала — отныне — центром притяжения.

Но повторяю: главное спасибо Вам за то, что Вы такой, какой Вы «есть», за «человека» в Вас спасибо; с Вами было так глубоко, непредвзято, мудро, легко и тихо; и мы с Клавдией Николаевной вспоминаем Вас лично так же часто, как и Армению.

Еще раз спасибо; и надеюсь, что наша встреча в Эривани есть первая встреча, за которой последует продолжение. Сердечный привет и спасибо за ласку от нас Вашей супруге.

Искренне преданный и сердечно благодарный

Борис Бугаев.

P.S. Не зная точно адреса М. С. Шагинян, шлю на Ваш адрес ей письмо; когда увидите ее, то передайте.

Еще — вопрос к Вам: воображение наше разыгралось после посещения Севана; пожить на острове кажется почти что несбыточным сном; «художнику» во мне это почти необходимо; но в Тифлисе нас смутили, говоря: «Вы будете там одни. Вам будет неуютно; Ваш капитан уедет, разыграется буря; Вы будете «отрезаны» и т. д.

Мои вопросы (не о себе, но Кл. Ник.): безопасно ли жить на Севане? Кто там живет? Можно ли достать хоть два мешка, набитых травой или сеном, чтобы там спать? Остальное у нас есть; с провизией — не беспокоимся с нашими скромными потребностями. Вопрос Кл. Ник. таков: абсолютно ли одни будем на острове? В последнем случае ей жутковато; а мне — за нее.

Только этот вопрос останавливает... Пишу о том же и Мар. Серг. Остальное все — тянет нас на Севан. И тишина, и природа.

Наш адрес: Грузия. Шаропанский уезд. Сачхери.
Котэ Абдушели. Для Б. Н. Бугаева.

М. САРЬЯН — А. БЕЛОМУ

6 июля 1928 года
Эривань

Дорогой Борис Николаевич,
тронут Вашим письмом и бесконечно рад, что наши короткие встречи на фоне величественной, молчаливой природы промелькнули ушли, оставив в Вас след.

Я не хотел прервать линию Ваших впечатлений и обязать Вас написать мне по возвращении. Ваше письмо — для меня лучшее, что Вы могли сделать хорошего для меня.

Вы видели много нового, любопытного, трагического на этой далекой, забытой окраине России. Вы видели только часть, а здесь земля более, быть может, чем где-либо страдальчески мудра со своими обнаженными камнями, скалами, высоко выброшенными в небо из недр земли.

Я знал, что такой глубокий и мудрый человек, как Вы, вплотную подойдете и почувствуете до боли величие и ужас земли, и я молча был с Вами, лишь иногда давая отрывчатые сведения.

Я глубоко верю, что это было начало наших встреч, мы должны составить план наших дальнейших шествий для углубления в природу.

Теперь ответы на Ваши вопросы.

К счастью, на следующий день после получения от Вас письма я встретил Фортунатова, мужа той особы, которая нам так мило объясняла в Еленовке на Севане, на ихтиологической станции. Фортунатов живет там уже три года и достаточно хорошо все изучил, а потому я его просил, чтобы он Вам написал обо всем. Он, кроме капитана Гаспаряна, оказать Вам может большие услуги.

Дело вот в чем.

На острове жить абсолютно безопасно. Там всегда живет один монах, у него есть свое хозяйство, которое обслуживают крестьяне и крестьянки из села Цамакаберт, кажется, их четверо.

Но самое главное — на острове жить не всегда приятно, потому что есть месяцы, когда все окружное население приезжает сюда на паломничество, это не так приятно, потому что остров лишается уюта и загаживается. Но весьма интересно видеть наплыв сельчан в престольный праздник, видеть пестрые наряды, пляски под зурны и т. д.; думаю, хорошо это посмотреть час или полчаса, а потом уйти, но долго это неприятно.

А потому я просил Фортунатова написать Вам и сообщить лучшее время, когда на острове хорошо жить, и Вам обязательно надо приехать в лучший период.

Между прочим, на берегу озера есть селение Гомадзор, можно жить и там, может быть, даже удобнее. Вы будете иметь возможность иногда подниматься на горы, касаясь облаков любоваться громадным зеркалом озера. В этом селении легче разрешится вопрос и питания, хотя на острове также все нужное для Вас сделают, Вы будете покойны.

Самое главное вопрос времени, и к тому же Вы можете жить в разных местах, ибо везде интересно и всюду Вам помогут, только заранее спешите с Фортунатовым.

Сердечный привет от Люси Лазаревны Клавдии Николаевне и Вам. Мой привет милой Клавдии Николаевне.

Искренне любящий Вас

М. Сарьян.

Мой адрес: М. Сарьян, Рубени, 55, Эривань.

К. Н. ВАСИЛЬЕВА и А. БЕЛЫЙ — М. САРЬЯНУ

Коджоры, 12 июля 1928

Милый Мартирос Сергеевич! все надеялись, что еще увидимся с Вами. Но теперь, когда выяснилось, что в Армению в этом году не попадем, хочу еще раз поблагодарить Вас за Ваше внимание и доброту к нам. Без Вашей милой помощи и указаний мы и вполтину не увидели бы того, что успели увидеть за эти немногие дни. Кроме того, Ваше восприятие создавало какой-то удивительный отзвук к тому, что воспринимали мы. Оно так усиливало и оформляло. Благодаря Вам обилие «первых» впечатлений не превратилось в хаос. Еще и еще раз спасибо. Редко бывает, чтобы несколько дней так сблизили и сдружили... Будем часто Вас вспоминать, и Вы не забывайте. Вдруг когда-нибудь вздумаете написать несколько слов. Это была бы для нас большая сердечная радость.

О наших кавказских перипетиях не буду писать. Скажу лишь одно: во все вмешалась «Погода» и разбила все планы. Совершенно измученные туманами и дождями, мы готовы были уже совсем бежать с Кавказа. Но судьба улыбнулась нам: Коджоры прекрасное место. Высота, дали, безлесие. Перспективы глубин и просторов. Какой-то океан пространств. Каждый день, забираясь на холм близ нашей дачи, видим в одну сторону: главный хребет и начало Военно-Грузинской дороги, хребет Кахетинский, за ним Дагестан. В другую же сторону — темные очерки гор Армении. Они чуть проступают сквозь дымку вдаль. Но... какие это сумрачные гиганты. «Там были мы! Там мы проснулись в первое утро: в вагоне!» — повторяем мы глядя туда...

Кончаю. Б. Н. хочет еще написать Вам. Сердечный привет Вашей милой супруге. Желаю Вам всего лучшего и еще раз благодарю за все.

Кл. Васильева.

Глубокоуважаемый, милый Мартирос Сергеевич! Пишу только два слова; скоро надеюсь подробнее Вам написать. Эти же слова лишь благодарность за то внимание, с которым Вы отнеслись к нашей просьбе относительно Севана; я долго не отвечал, потому что долго мы колебались в Сачхери между Севаном, Шови, Новым Афоном; но судьбой были брошены в Коджоры; и — не раскаиваемся. Может быть, еще когда-нибудь увидим Севан. Еще раз спасибо за все доброе и внимательное, что мы встретили в Вас и в Вашей супруге. К. Н. идет на почту. И я обрываю письмо.

Остаюсь искренне уважающий и сердечно преданный

Борис Бугаев.

А. БЕЛЫЙ — М. САРЬЯНУ

Коджоры. 30 июля 1928

Глубокоуважаемый и дорогой Мартирос Сергеевич, уезжая с Кавказа, еще раз шлю Вам сердечную благодарность за так хорошо вместе проведенные часы и за все то хорошее, что мы с К. Н. встретили в Вас и в Вашем доме.

Вы не только самопожертвенно облегчили нам наши дни в Армении; Вы были проводником к душе народа и страны, которая без Вас нам не открылась бы.

Я все время медлил Вам ответить на милое и сердечное Ваше письмо в Сачхери, потому что мы долго не знали, что ответить: относительно Севана; остановили нас не трудности жизни там, которые, конечно, преодолимы, для такого места, но мысль о том, что в июле там будет слишком много экскурсий и что мы окажемся на маленьком островке не с ним, водою и горами, а с заглядывающими к нам туристами, в чем мы оказались правы (судя по газетам, где писалось о крайней посещаемости островка); но до июля, пока не попали в Коджоры, всерьез думали о Севане.

Милый Мартирос Сергеевич, мне крайне радостно было узнать из Вашего письма, что мы не случайно мелькнули в поле Вашего зрения, не оказались кинематографическими силуэтами «проезжих туристов», потому что Вы очень и очень зажили в наших душах; и я надеюсь на то, что судьба превратит нашу встречу в ряд встреч, в настоящее, ценное, хорошее знакомство.

Разумеется, я надеюсь, что если судьба приведет Вас в Москву, Вы вспомните о моем бытии и сумеете меня найти. Адрес мой — следующий. Нижегородская

сел: дорога. Салтыковка. Новое Кучино. Железнодорожная улица, дача № 40. Б. Н. Бугаеву (Кучино — 18 километров от Москвы; поезда — каждый час).

В Сачхери мне пришлось выполнить свой заказ: написать очерк «Армения»; разумеется, — как «не трактат», он получил форму летучих путевых впечатлений; не мудрствуя лукаво, я описал то, что было²; ввиду требований «сюжетной формы» и Вы, и Мариэтта Сергеевна фигурируете в очерке; и — тут: моя убедительная просьба — не сердиться на меня, если что найдете не так в «как» моих слов о Вас; окажите снисхождение: стиль добродушного юмора не мной выбран, а ситуацией моего писания. Мне пишут из Москвы: очерк выйдет в № 8 «Красной Нови» (август). Я не успокоюсь, пока Вы хоть словом в открытке не известите меня в том, что мои слова о Вас Вас в том или ином смысле не огорчили.

Еще раз спасибо. Еще раз позвольте выразить Вам мою радость о нашей встрече. И надеюсь, до... следующего свидания. Искренне уважающий и очень благодарный Вам

Борис Бугаев.

К. Н. сердечно Вам кланяется. Наш сердечный привет и уважение Вашей супруге.

М. САРЬЯН — А. БЕЛОМУ

19 ноября 1928
Эривань

Дорогой, дорогой Борис Николаевич, так запоздал с ответом на Ваше письмо, что мне даже стыдно Вам писать; надеясь на Вашу доброту, ничего не

буду писать Вам в свое оправдание, несмотря на то, что причин множество. Одной из главных причин за-
поздания было желание написать Вам и Клавдии Николаевне побольше и получше.

И как-то сегодня день задумчивее, ибо постоянное поразительное осеннее солнце сегодня впервые скрылось за облака, и приятнее стало здесь в комнате, и легче сосредоточиться, предаваясь воспоминаниям. Мне ярче вспомнились те два дня, когда мы «деловито» разъезжали или расхаживали по этой обожженно-обнаженной нагорной стране, любуясь громоздящимися камнями голубовато-фиолетового цвета, ставшими на дыбы в виде высочайших вершин Арарата и Арагаца.

Несколько недель тому назад мне в руки попала «Красная Новь» с Вашей прекрасной статьей, написанной прищущим Вам сочным языком.

Дорогой Борис Николаевич, если у Вас нет другого плана на весну, лето и осень, давайте организуем «организованное» путешествие по интереснейшим районам Армении — Лори, Даралагяз, Зангезур, Севанский бассейн, где бесконечное количество исторических памятников разных эпох и многообразии природных красот.

Если Вы согласны, то напишите мне. Я с Мариэттой Сергеевной приму в этом деле большое участие.

Если Вы согласны, напишите, как Вы это представляете и в каком плане.

Я очень рад, что с Вами впервые встретился вдали от шумного города, в природе, которую я очень люблю, без природы я не могу жить, город — удобство, музеи, библиотеки, встречи и т. д.

Клавдии Николаевне передайте мой сердечный привет и извинение мое, что я ей не ответил отдельным письмом на ее нежное письмо.

Я очень рад, что не был для Вас назойливым «гидом», моя цель была избавить Вас от всего неприятного, неудобного, которое могло бы затемнить настоящее.

Относительно Вашей тревоги, не проскользнуло ли что-либо обидное относительно меня в Вашей статье, чтобы сказал только обратное, ибо многое хорошее Ваше Вы приписали мне.

Искренне любящий Вас

М. Сарьян.

Сердечный привет Клавдии Николаевне.

Мой адрес: Эривань, Рубени, 55

М. Сарьян

А. БЕЛЫЙ — М. САРЬЯНУ

Кучино. 9 января 1929

Глубокоуважаемый и милый Мартирос Сергеевич!

Простите, что я отвечаю с таким опозданием на Ваше письмо; надеюсь ниже объяснить причину такого опоздания.

Ваше письмо меня очень утешило добрым суждением о моей статье и тем, что Вы не поставили мне «**лыко в строку**», как говорит пословица. Но если в ней есть хоть какие-нибудь крохи от подлинной Армении, так, конечно, уже в этом я всецело обязан Вам, Вашей доброте, Вашему знанию и что смотреть и как смотреть.

Лишь зимой, сидя в снегах и в умственной работе, до конца ценишь те картины, которые промелькнули летом; и видение Арарата, картина Эриванской долины постоянно поднимаются нам с К. Н. из-за кучинских снегов; Арарат же у меня появился (гравюра), как напоминание о «стране чудес», какую стоит теперь перед нами Армения.

Армения да жизнь рельефа в Коджорах (взгляд сверху вниз в «четвертое» измерение глубины) — вот самое живое, что осталось от Кавказа, потому что во всем прочем нас постигла неудача; несостоявшийся ряд поездок, «тщетное тщенье» перепереть препятствия, сидение в сером облаке в Сачхери — все это не очень-то вдохновило бы нас на Кавказ, кабы не Армения и не удивительная панорама, которая открывалась нам 5 недель из Коджор. К моему удивлению тифлисы (многие!) не видят Коджор; «Что Вы нашли там?» — спрашивали нас; а нашли — «неописуемое», что важнее видов.

Отвечаю на Ваше дружеское и дорогое предложение нам: вместе поехать куда-нибудь в Армению. Спасибо, — Вы даже взволновали нас, потому что Армения нам говорит слишком; и «организованное» путешествие, да еще не без Вашего участия (а может, и с Вами? — вот было бы чудесно) заставило биться наши сердца; и вот подлинная причина моего долгого неответа. Вы сами прекрасно знаете, как в нынешних условиях трудно подняться из Москвы заранее на такое путешествие: и материально, и в смысле времени, и в смысле себя разгрузки от работ, сроков, и т. д.; и я, и К. Н. люди занятые; нам, чтобы освободиться, приготовить и т. д., надо за несколько месяцев начать жить с волевым устремлением: тогда-то освободиться от людей, сро-

в, сдачи работ и т. д. Поэтому кроме морального со-
васия есть еще и реальное. И вот прежде чем
важно взвесить Ваше доброе предложение, надо
ло понять заранее, осуществима ли нам эта мечта.

Теперь пишу серьезно: Спасибо, дорогой Мартирос
Сергеевич, главным образом за то, что Вы нас с К. Н.
иняли в душу, потому что помимо всего сделать та-
е предложение — сказать людям «да» и «добро
ожаловать» (в душевном смысле). Нам же с К. Н.
щение с Вами, с Вашей супругой и с Мариэттой Сер-
евной радостно. Итак, — принимаем реаль-
о Ваше предложение.

Да, мы хотели бы приехать, осмотреть ряд мест,
опутно (до, во время, после ли, — все равно) где-ни-
удь пожить на даче: немного; нам удобнее всего было
ы уехать в мае — июне; май — июнь, не позднее 15-го
юля — вот время, потому что осень представляет нам
яд трудностей вырваться. Итак: ряд наших возможнос-
ей я сформулирую: 1) Можно ли эти поездки органи-
зовать в пределах май — июнь? 2) Можно ли передви-
аться без лошади (К. Н. страдает головокружением,
боязнь верховой езды и т. д.), а места, куда Вы зовете,
как будто непроездные; я могу где угодно проехать
верхом (очень люблю верховую езду), но К. Н. боится
(и сердце, и головокружение, и боязнь пропастей; кру-
изн при малых тропинках), — все это не явится ли
атруднением? Она просит передать, что согласна на
руру, арбу, тележку, на ослике шагом, даже пешком;
3) Было бы хорошо нам, раз попав в Армению, осесть
где-нибудь; если мне поручат «Очерки», я бы мог
закрепить в этом тихом, укромном местечке свои впе-
атления на бумаге. 4) Наконец: уже исходя из труд-
ностей кучинской жизни весной (самое трудное время

здесь с апреля до 20-го мая), заставляющей нас выныривать куда угодно весной (а не летом, не осенью), у меня возникает вопрос: а нельзя ли нам с К. Н. приехать в Эривань до нашей поездки недели за две (просто побродить, мне — подчитать что-либо в музеях, поработать над нашей экскурсией, что для меня — наслаждение, повидаться с Вами и с Мариэттой Сергеевной)? В таком случае нельзя ли нам заранее при доброй помощи Вас, Мариэтты Сергеевны или кого-нибудь устроиться в двух комнатных (в крайнем даже в одной)? Эривань нам очень нравится; весной возможны просто прогулки вокруг (еще не жарко); но мысль о гостиницах — той, в которой жили (и дорого нам, и неудобно в смысле отсутствия там чая, и многого), выгоняет из Эривани; если бы можно было приткнуться куда-нибудь (нам почти ничего не надо в смысле «внешнего комфорта»), мы, в случае возможных экскурсий в мае, приехали бы пожить недельки две в Эривань; и кончили бы пожитием где-нибудь в дачной, красивой, тихой местности.

Видите, дорогой Мартирос Сергеевич, сколько сразу реальных вопросов, на которые жду уже скорейшего ответа, чтобы нам начать готовить возможности, всяческие, согласиться на Ваше сердечное предложение, которое трогает до дна души. Ждем ответа: о весне, о местностях, куда ехать, о средствах передвижения там, о комнатах в Эривани. В Эривани мы пожили бы весной, а не летом. Нас, северян, летняя эриванская жара палит; если весной поездки неудобны (июнь — май), опять-таки заранее известите, может быть (хотя это трудней), наладим осень: после июля (сентябрь — октябрь). Но нам удобней: июнь — май. А из Кучина удрать удобней хоть с 15 апреля (и

смысле билетов удобнее). Еще раз сердечнейшее спасибо Вам: за ответ, за добрый зов. От меня и Кл. Ник. Остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

Мариэтте Сергеевне и Вашей супруге от нас с К. Н. сердечный привет.

А. БЕЛЫЙ — М. САРЬЯНУ

Кучино, 7 февраля 1929

...Дорогой Мартирос Сергеевич, вписываю в письмо К. Н. лишь два слова, ибо сверхмерно перегружен срочной работой. Месяц тому назад я Вам обстоятельно писал в ответ на Ваше ласковое, столь тронувшее письмо; и — просил ответить, ибо письмо касалось Вашего милого предложения нам: поехать вместе по Армении; независимо от всего — нам весной с К. Н. некуда деваться; Армения очень и очень говорит (в частности — Степанаван — горы, район Памбака); если с поездками не выйдет, могли бы просто пожить (май — июнь), например, в Степанаване. Очень ждем указаний — теперь, ибо на поездку нам надо подняться и знать минимум за 1—1½ месяца, что едем. Еще раз сердечное спасибо за слова о моем очерке. Извиняюсь, что обрываю так: работа сверх меры (все часы — заняты). Привет и уважение Вашей супруге. Остаюсь искренне преданный Вам.

Борис Бугаев.

22 февраля 1929

Эривань

Дорогой Борис Николаевич!

Отвечаю сразу на Ваши письма, причина опоздания — отсутствие некоторых членов правительства, с которыми наконец-то мне удалось переговорить, и вопросы все разрешены.

Время для приезда в Армению весной — май, июнь — хорошее. Первая половина мая — Эривань, Эчмиадзин и, может быть, ближайшие окрестности. А затем по возможности можно будет совершить некоторые налеты в глубь, смотря по обстоятельствам и физическим возможностям... и, в-третьих, дачный отдых — или Степанаван, или Цахкадзор (Дарачичаг), Севан...

Значит, насчет помещения будут сделаны распоряжения и в Эривани и в других местах. Председатель Совнаркома ССР Армении тов. Тер-Габриэлян³ обещал также удобства для передвижения (автомобиль).

Я бы Вас просил предварительно меня оповестить или, вернее, составить приблизительный конспект интересующих Вас вещей, тогда бы я переговорил с разными лицами сведущими заранее, подготовив их, чтоб они были готовы дать Вам ответы на те или иные вопросы.

Я же с своей стороны сделаю все возможное, и если что-нибудь будет не так, то заранее прошу меня простить.

Значит, будем переписываться пока что, до Вашего приезда 2 месяца и многое выясним.

Простите за запоздалый ответ на письма Ваши и Клавдии Николаевны, примите Люси Лазаревны и мой сердечный привет Клавдии Николаевне и Вам.

Любящий вас М. Сарьян.

К. Н. ВАСИЛЬЕВА — М. С. САРЬЯНУ

Кучино, 5 марта 1929

Дорогой Мартирос Сергеевич!
Бесконечное спасибо за Ваше письмо и за все, что Вы предлагаете. Это как раз то, что нужно. Спешу известить Вас, чтобы Вы знали: Ваше письмо дошло. А. Н. на днях будет Вам писать. Он очень перегружен всякой работой. Гонит, чтобы кончить к началу мая. Усталость от зимы большая. И отдых нужен ему всячески. С радостью думаем о встрече с Вами, с милой Люси Лазаревной и Мариэттой Сергеевной. Шлем сердечный привет. Всего лучшего.

Кл. Васильева.

А. БЕЛЫЙ — М. САРЬЯНУ

Кучино. 10 марта 1929

Дорогой и глубокоуважаемый Мартирос Сергеевич, получил Ваше письмо и устыдился тому, что мы с Клавдией Николаевной дважды Вас беспокоили; это от чувства неуверенности с закавказской почтой: из Тифлиса в Коджоры (расстояние 20 километров) письмо, адресованное мне, шло... 10 дней!

Еще раз спасибо за все то безмерное, что Вы делаете для нас; и спасибо за гостеприимное обещание помощи со стороны правительственных учреждений и Тер-Габриэляна.

Спешу высказать Вам наши виды и надежды. Во-первых: в прошлом году я имел задание дать очерк «Ар-

мения» журналу «Красная Новь»; в этом году такого задания у меня нет; но Армения нас живо разволновала; хочется, так сказать, прикинув ухом к ее земле, всячески ее почувствовать: и природу, и людей, и историю, и древности, и современность; не урвать факты для «очерка», а, может быть, собрать материал для очерков, но писать их — потом, когда разгрузюсь от дел; и вместе с тем хочется пожить в Армении и для отдыха; я в этом году очень надорвался (кроме ряда начатых работ и работ для себя, в спешном порядке пишу 2-ой том⁴ в 400 ремингтонных страниц при расширенных сердце, аорте, склерозе и всяческих невралгиях); когда кончится сезон, встанет вопрос о серьезном самоизлечении воздухом, светом, Арменией...

Пишу это все вот почему: чтобы «власти», столь любезно откликнувшиеся помощью, знали, что прямой командировки для того-то и того-то в непосредственно близком будущем не будет. Но, зная себя, могу в случае здоровья и материала написать в будущем ряд очерков об Армении для томика № 2 «Ветер с Кавказа» (такая вышла моя книжка); книгу охотно напечатают. Основное, что хочется: без суматохи, тихо, вдумчиво пожить и где можно поездить, но положительно, спокойно вбирая в себя впечатления; и — с отдыхом для своего расстроенного здоровья, которому с осени предстоит пресс работы обязательной и труднейшей.

Это и отдохнуть и собрать материал есть мотто нашей поездки.

Теперь, что интересует нас?

Нас интересует: 1) и природа 2) и быт 3) и древности 4) и современность.

Хотелось бы в частности: 1) пожить в Эривани, побродить, но и посидеть в музеях; если нужно, и подчитать по источникам; 2) мы намерены с Кл. Ник. хотя бы лишь только проехать по жел. дороге Эривань —

Нахичевань — Джульфа и назад, чтобы увидеть течение Аракса, что нам рекомендуют; 3) меня лично очень привлекает район Лори — Памбах (Калагерань, Степанаван и т. д.); если возможно там пожить между или после возможных поездок, то там бы хотелось отдохнуть и набраться сил; конечно, интересуется и Гокча; в Зангезурском уезде я и не мечтаю (вероятно, трудно во всех смыслах); что же касается проездов, то Вам виднее, где и куда можно проехать; мы согласны на какие угодно средства езды; одно лишь: мне с расширением сердца и аорты вредно много двигаться пешком, особенно на больших высотах, а К. Н. не может ехать верхом (я — сколько угодно; очень люблю верховые поездки); а далее машина ли, фаэтон ли, колесная дорога или какая иная, — нам все равно.

Кстати, интересуют древности около Алаверды (в районе Калагерани).

Теперь: условия складываются так, что нам все равно надо выехать куда-нибудь к 1-му маю (мне и прямо невозможно остаться в Кучине); так что: мы бы хотели к 1-му маю приехать в Эривань. И вскоре же, по возможности в полнолуние, проехаться (Эривань — Джульфа — Эривань), пока там нет жары.

Конечно: в Эривани ли, в Эчмиадзине ли хотелось бы собрать материал по армянским древностям, искусству, в частности узнать ближе о роли армянского водчества. В Москве очень трудно собрать материал, да и кроме того: до конца апреля я бешено работаю, чтобы смочь уехать; и мне невозможно в Москве прочитать что-либо; поэтому я хотел бы, в случае достаточного времени, почитать по историческим источникам. Не предрешаю времени жизни в Эривани; две ли недели, три ли, месяц ли? Все зависит от распределения маршрутов и местных возможностей; у нас нет планов о временах и сроках, кроме одного: месяца 3 мы могли

бы прожить в Армении (может быть, и с хвостиком).

И еще вот чего хотелось бы: не слишком кипеть на людях (разумею «на людях» толпу людей, а не тихое общение с двумя, тремя по душе или по делу); я очень общительный человек en deux, en trois, en quatre, но не en masse⁵; как скоро выдвигается необходимость мне быть «Белым», что-то «высказывать», я теряю глаза, слух, утрачиваю интерес к предмету наблюдения; и становлюсь ни на что не годен.

Не Вам, такому художнику, это объяснять. Пишу же это в результате опыта прошлых лет с Грузией и грузинскими «застольными беседами»; из-за этих «бесед» я многого не разглядел в Грузии. А теперь ввиду надорванности сил особенно хочется тихого изучения, тихого общения, чтобы Армения зазвучала в душе как симфония, а не как предмет «обязательного реферата».

Но все же: попутно меня очень интересуют и не только «симфонические» впечатления, а и «производственные»; например: электростанция около Калагера-ни, рудники Алаверды и т. д.

В прошлом году мы проехали «рывом»; теперь хочется «тихим ходом» и медленным, вдумчивым разглядом и проехаться по Армении, и посидеть в Армении.

Боюсь, что мое письмо путаное; все же: надеюсь, что в лейтмотиве Вам понятно, чего мы ищем.

Еще раз бесконечное, горячее спасибо за доброе-доброе, теплое отношение. Кл. Ник. шлет сердечный привет Вам и Вашей супруге Люси Лазаревне; от меня ей тоже сердечный привет и уважение. Остаюсь искренне Вас любящий и глубоко Вам благодарный

Борис Бугаев.

P. S. Очень прошу ответить нам по получении письма. Будем ждать.

25 марта 1929 г.
Эривань

Дорогой Борис Николаевич!

Отвечаю на Ваше письмо с небольшим запозданием.

Все, что Вы пишете насчет обстановки для работы, наблюдений и отдыха, мне более чем понятно. Вы, вероятно, заметили, как я старался Вас ограждать от этого при первой нашей встрече.

Для создания минимальных удобств есть возможности (при жестоких условиях Армении). Предсовнаркома Армении т. Тер-Габриэлян обещал помочь в вопросе помещения и переездах, это, мне кажется, самое главное, а остальное легче устроить.

Гостиница, в которой Вы жили, уже имеет все удобства, так что Вам уже не придется жаловаться на нее. Так что жизнь Ваша в Эриване будет обставлена относительно комфортабельно.

Поездку в Нахичевань и Джульфу будет устроить очень легко, коль скоро железная дорога будет к Вашим услугам, но это — деталь. Думаю, окончательную программу и место избрания дачи и поездок и многого другого придется выработать здесь во время Вашего пребывания в Эриване.

Между Москвой и Эриванью курсируют прямые вагоны, если Вы думаете прямо ехать в Эривань, лучше сесть в прямой вагон. Нужно справиться, в какие дни его пускают из Москвы. Поездка продолжается, кажется, 5 суток.

Вы меня известите заранее о дне приезда, чтоб я позаботился о предоставлении Вам комнат.

В случае крайности Вас устраивает одна комната?

Приветствуем Вас и Клавдию Николаевну Люси Лазаревна и я.

Любящий Вас М. Сарьян.

А. БЕЛЫЙ — М. САРЬЯНУ

Кучино. 18 апреля 1929

Глубокоуважаемый и дорогой Мартирос Сергеевич, спасибо Вам за доброе известие. Мы едем в Эривань; выезжаем с поездом, отходящим из Москвы 26 апреля; по моим расчетам будем в Эривани 30 апреля; если просчитался, то 1-го мая; вернее, что 30; прямого вагона нет; и в Тифлисе придется пересаживаться.

Пишу — в случае, если будем здоровы — и если билеты на 26-ое будут; придется оговаривать заранее все случайности, ибо мне всегда и во всем провиденциально не везет; уже не раз заболел накануне отъезда; в случае, если не 26-го выезжаем, пришлю телеграмму.

Мы с К. Н. были бы Вам бесконечно благодарны, если бы Вы нам в Эриванской гостинице задержали 2 комнаты (в случае отсутствия комнат — хоть одну); мы хотели бы прожить в Эривани недели три.

Заранее радуемся встрече с Вами. Только, ради бога, не чувствуйте себя связанным какими-либо хлопотами; мы будем благодарны любой возможности познакомиться с Арменией; но зная трудности и местной жизни, и хозяйственные трудности данного момента, мы не слишком рассчитываем на поездки; конечно, интересно побывать где-нибудь; в крайнем случае уже факт отдыха вне Москвы и в природе радует нас.

Все равно к 1-му маю мы уехали бы из Кучина; все равно мы поехали бы на Кавказ, чтобы где-нибудь устроиться. Пишу это для того, чтобы Вы не считали себя в положении любезно пригласившего нас; и — этим связанным. Повторяю: у нас большой интерес к Армении, буде есть возможности поездить или пожить

в природе; а если их не будет, то мы не будем сетовать. Поживем в Эривани и уедем. Конечно, хотелось бы июнь провести где-нибудь в Лорийском ли, в Дарачичаге ли — с природой; но и май в Эривани с поездкой в Нахичевань — Джульфу дал бы много нам.

Вообще, — если Вы заняты, если Вам не до нас, то, знайте: мы всегда сумеем устроиться так, чтобы не стеснять Вашего досуга; и быть благодарными Вам за ту долю общения, которая Вам не будет обременительна. Кл. Ник. шлет сердечный привет Вам и Люси Лазаревне. От меня Люси Лазаревне тоже привет и уважение.

В надежде на скорое свидание остаюсь искренне любящий Вас

Борис Бугаев.

P. S. Итак, если до 26-го не случится непредвиденных задержек, то выезжаем без уведомлений (шлю письмо скорой почтой, ибо в закавказские телеграммы не верю по опыту прошлых лет); если случится задержка, шлю телеграмму.

«Красная Новь» собирается мне дать путевую бумажку о командировке: т. е., буде у меня время, я мог бы дать и журнальный очерк в спешном порядке.

А. БЕЛЫЙ — М. САРЬЯНУ

Красная Поляна⁶. 5 июня 1929

Милый, дорогой Мартирос Сергеевич,
пишем Вам из Красной Поляны, где прекрасно, дешево
устроились на июнь, а июль — в Шови: инстинкт подска-

зал нам, что надо спешить с Шови, чтобы туда попасть; едва с помощью друзей достали на июль комнаты еще в мае; места — распределены.

Вспоминаем милую Эривань; Армения живет в душе мощно; поездка в Гехарт—чем далее от нее, тем ярче в воспоминании. Вернемся в августе, вероятно во второй половине, к концу (Степанаван—Караклис—Севан—Эривань); пока намечаются 20-ые числа августа (после 22-го). Во всяком случае до 15-го августа вряд ли попадем, ибо наметилась в августе Кахетия. Вспоминаем прекрасные дни, проведенные с Вами и с Люси Лазаревой; радуюсь встрече с Вами; и спасибо от всего сердца за все, все!

Привет Ованесьяну⁷, Атанасьяну, Левоньяну⁸, Кеоркьяну и Акуньяну⁹ (если увидите); нам было тепло и хорошо с ними; и теперь радость, что есть у нас «армянские друзья». До чего Красная Поляна — контраст с Арменией; камни; и — мощи дубов, над которыми сияют снежные зубцы; проработанность историей самой природы; и — девственность ее; мы на границе заповедника, где бродят туры и последние в мире зубры. Контраст во всем, но — прекрасный!

Шлем сердечный привет Вам и Люси Лазаревне. Остаюсь искренне уважающий и любящий Вас

Б. Бугаев.

А. БЕЛЫЙ — М. САРЬЯНУ

Судак. 25 июня 1930

Милый, добрый Мартирос Сергеевич, лучше поздно, чем никогда! Прошло более года с той поры, как мы пользовались Вашим гостеприимством в

Армении, которая так и осталась жить в сердце незабываемыми впечатлениями; особенно наша поездка в Гарни—Гехарт, одно из ярчайших впечатлений жизни. Мы уезжали из Армении с чувством горячей благодарности к Вам и к Люси Лазаревне за те хорошие минуты, которые были пережиты вместе; но мы надеялись эту благодарность высказать в словах при личной встрече в августе 29 года при вторичном заезде в Армению (после Шови). Но произошел ряд обстоятельств, нарушивших наши планы; не везло нам с Кавказом; нарочно уехали в Тифлис: добиться комнат в Шови, куда влекло; получили их на июль: июнь провели прекрасно в Красной Поляне (в ожидании Шови); но о Шови разбились; в ночь нашего приезда в Кутаиси буря размыла дороги, у меня открылся бронхит; и мы вернулись в Тифлис; машина, на которой мы должны были ехать в Шови, слетела с откоса; разбитые (а я и больной) неудачами мы засели в Коджорах, откуда было собирались ехать на Севан, но — грузинские поэты звали предварительно съездить в Кахетию; мы прождали тщетно три недели; машины не достали; так с Арменией сорвалось, ибо надо было ехать в Москву. Все время хотел Вам писать, но, попав в Москву, засел за 2-ой том «Москвы» (романа); и проработал бешено: с сентября до июня. И только здесь в Судаке, очнувшись от гипноза работы, отнявшей осень, зиму и весну, я, так сказать, обретаю нить своего автономного бытия, а не бытия «при романе»; и поэтому мне кажется, что 9 месяцев работы отсутствовали в моей жизни и что сейчас не июнь 30 года, а сентябрь 29 года, и я, не попав в Армению в августе, извещаю Вас и пользуюсь случаем еще раз благодарить Вас за все то доброе и прекрасное, что нами было пережито с Вами в Армении, о которой я много думал; и... — ничего не напи-

сал; то, что подымалось в душе, не для печати; писать «легко» не хотелось; если бы мы встретились, я в разговоре с Вами привел бы мотивы, почему я не хотел писать. И Вы, может быть, согласились бы со мною.

Май, проведенный в Эривани, — яркое пятно в нашей жизни; осталось прекрасное; и стерлись в памяти маленькне незадачи.

И одной из больших радостей нам с К. Н. была встреча с Вами и с Люси Лазаревной. Вспоминаем многих, с кем так было легко и просто: Атанасьяна, Левоньяна и др. Очень скорбели, услышав о кончине Ованесьяна. Живо вспомнился его садик и он в своем садике, такой еще здоровый и свежий.

Простите, дорогой Мартирос Сергеевич, за это ничемное письмо; я письма писать не умею. Оно только знак того, что хочется перекликнуться с Вами и лучше поздно, чем никогда, еще раз поблагодарить и за хлопоты о нас, и за чуткое, прекрасное отношение к нам. Очень интересуемся Вашими работами; и если бы черкнули два слова, над чем работаете и что делаете, то доставили бы нам большую радость.

Мы в Судаке, если не изменятся планы (т. е. если судьба позволит), проживем минимум до сентября (а может быть, и сентябрь).

Остаюсь искренне благодарный и преданный

Борис Бугаев.

P. S. К. Н. шлет сердечный привет Вам и Люси Лазаревне. Передайте от меня Люси Лазаревне привет и уважение.

P. P. S. Наш адрес: Крым. Судак. Берег моря. Дача Е. Э. Эгерт (д. № 8). Б. Н. Бугаеву.

«Армения»

Автограф: ЦГАЛИ (Москва), ф. 53 (Андрея Белого), оп. 1, ед. хр. 41. Впервые: журнал «Красная новь», 1928, № 8; фрагменты в журнале «Литературная Армения», 1967, № 1, полный текст в кн. «Глазами друзей» (Ереван, изд. «Айастан», 1967, с. 73—142).

1. Караклис — ныне Кировакан, один из крупных городов Арм. ССР. — Стр. 5.

2. Колагеран — ныне Дзорагет; поблизости — Дзорагетская гидроэлектростанция (Дзорагэс), крупнейшая стройка первой пятилетки в Армении (1927—1932); нашла отражение в романе М. С. Шагинян «Гидроцентральный» (1930—1931). — Стр. 5.

3. Чюрленис Н. К. (1875—1911) — литовский живописец и композитор, представитель символизма; символически-обобщенная, своеобразная по колориту, тонкой серебристой гамме живопись Чюрлениса переносит зрителя в мир сказки. — Стр. 8.

4. Таманян А. И. (1878—1936) — советский архитектор, народный архитектор Армении (1924). Окончил Петербургскую Академию художеств (1904). С 1923 г. жил и работал в Ереване. Создал первый генеральный план реконструкции Еревана, проекты планировки Ленинакана, Эчмиадзина и других городов республики. В многочисленных зданиях, построенных в

Ереване, использовал композиционные приемы русского классицизма, но чаще всего обращаясь к творческой переработке традиций армянского средневекового искусства, мастерски используя породы местного камня, добываясь монументальности образов. По его проекту построены, в частности, Дом правительства Арм. ССР, Театр оперы и балета им. А. Спендиарова. — Стр. 11.

5. Линч Генри (1862—1913) — ирландский арменист, географ-путешественник, адвокат, общественно-политический деятель. В 1880 и в 1890 гг. совершил путешествия по Междуречью и Персии. Дважды путешествовал по Армении (август 1893—март 1894, май—сентябрь 1898); результаты путешествий обобщил в двухтомном труде «Армения» (*Armenia: Travels and Studies*, V. 1—2, L.-N. Y.-Bombey, 1901; Армения. Очерки и этюды. Т. 1—2, Тифлис, 1910). — Стр. 12.

6. Имеется в виду труд Иосифа Стржиговского (*Joseph Strzykowski*) «Строительное искусство Армении и Европа» (*Die Baukunst der Armenier und Europa*), изданный в 1918 г. в Вене на немецком языке. Далее об этом в письме Р. В. Иванову от 30/VIII 1929 г. — Стр. 14.

7. Марр Н. Я. (1865—1934) — востоковед, лингвист, академик АН СССР (1912). Окончил Петербургский университет (1890). Основной вклад в науку внес в области изучения армяно-грузинской филологии, изучил и опубликовал ряд древнейших памятников армянской и грузинской литератур; успешно занимался изучением кавказских языков, историей, археологией, этнографией Кавказа. — Стр. 14.

8. Дарачичаг — ныне Цахкадзор, курортный городок недалеко от Еревана, известен олимпийской спортивной базой горнолыжников — Стр. 18.

9. Hotel premier-ordre (франц.) — гостиница первого класса. — Стр. 21.

10. Камарлю. — ныне Арташат, город в 30 км. от Еревана, назван по имени одной из столиц исторической Армении. — Стр. 28.

11. Татевосян Е. М. (1870—1936) — советский живописец. Учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, окончил в 1894 г. Участвовал в выставках «Союза русских художников» и «Мира искусства». Работал в области пейзажа, бытового жанра и портрета, создавал также произведения сказочно-аллегорического характера. А. Белый был знаком с творчеством Татевосяна по московским выставкам. В фонде писателя в ОР ГБЛ, в общей тетради, содержащей «Лирические отрывки в прозе» (автограф, 1897—1901, ф. 25, к. 1, ед. хр. 1), находим «Отрывок» (№ 10) с подзаголовком: «на мотив г. Татевосянца». Текст следующий: «...Дворец магараджей, луна, месяц, трепетные очертания, тени... В садах блесит... в садах сверкает... Жалуется пленная душа шепотом фонтана... проклиная жизнь разврата и гаремных опьянений... Магараджа уныло бродит в своих садах...» (1899, декабрь, Москва). — Стр. 30.

12. Тиглатпаласар I, III — цари Ассирии в XII—XI и VIII вв. до н. э. Упоминания и далее в очерке и письмах. — Стр. 34.

13. Мравян А. А. (1886—1929) — советский государственный и партийный деятель. С 1923 г. нарком просвещения и заместитель председателя СНК Армении, одновременно редактор газеты «Советакан Айастан». — Стр. 39.

14. В жизни Белого, как он сам о том говорит в одной из своих автобиографий (ОР ГИЛ, ф. 100, оп. 0, ед. хр. 5а), были «полосы» — «художественных» переживаний и творчества; отвлеченных, научно-познавательных интересов; «общественной» деятельности. И в пору учебы на физ.-мат. факультете Московского университета, который он окончил в 1903 г., и впоследствии Белый проявлял большой интерес к естественно-научному знанию и экспериментам. — Стр. 60.

15. Строки из стихотворения Г. Р. Державина «Бог». — Стр. 65.

16. Хачатрян Я. С. (1885—1960) — переводчик армянской прозы на русский язык. В эти годы в его переводе вышли в свет роман Е. Чаренца «Страна Наири» (М.-Л., 1926), сборник «Армянские народные сказки» (Academia, 1930), впоследствии переводил произведения многих армянских прозаиков. — Стр. 66.

17. Чаренц Егише (Согомонян Е. А., 1897—1937) — выдающийся армянский советский поэт. В 1922 г. вышел в свет его сатирический роман «Страна Наири», изданный затем в переводе на русский язык в 1926 г. Книга эта была, по-видимому, подарена А. Белому в дни его пребывания в Армении самим автором или же переводчиком романа Я. С. Хачатряном. В до-октябрьский период Е. Чаренц проявлял большой интерес к русскому символизму, был хорошо знаком с творчеством крупнейших его представителей, в том числе и А. Белого. Произведения А. Белого привлекали его интерес и в дальнейшем, о чем свидетельствует наличие среди сохранившейся части личной библиотеки Чаренца (Музей литературы и искусства Арм. ССР) следующих книг А. Белого: **Звезда**. Новые стихи. Пг., 1922; **Серебряный голубь** Изд. «Эпоха», Берлин, 1922; **Петербург**. Часть I. Изд. «Никитинские субботники», М., 1928;

Маски. М., 1932; Мастерство Гоголя. М., 1934. Одна из этих книг — «Серебряный голубь» — подарена Е. Чаренцу автором, в Ереване, со следующей дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Егише Абгаровичу Чаренцу с надеждой на новые встречи. Андрей Белый. 1928, 22 мая». — Стр. 66.

18. Атанасян А. Н. (1870—1941). — агроном и редактор-издатель, образование получил в Лейпциге, издавал в Тифлисе еженедельники — «Труд» (1906) и «Новый труд» (1907), издавал также первый в Закавказье журнал по вопросам сельского хозяйства («Гюхатнтес»), автор ряда сатирических этюдов, фельетонов, двух пьес. — Стр. 66.

19. Чубухлы — ныне Цовагюх, на берегу озера Севан. — Стр. 76.

20. Петри Эгон (1881—1962) — немецкий пианист и педагог. С начала 1900-х годов в течение пятидесяти лет гастролировал во многих странах мира, с 1923 г. многократно в СССР, своим искусством оказал значительное воздействие на советских пианистов. — Стр. 79.

ПИСЬМА

Автографы писем А. Белого и К. Н. Васильевой М. С. Сарьяну: Дом-музей М. С. Сарьяна (Ереван). Большинство писем впервые опубликованы Н. А. Гончар (Вестник Ереванского университета. Общественные науки. 1976, № 1). Письма К. Н. Васильевой и А. Белого от 12.VII. 1928, А. Белого от 7. II. 1928 и К. Н. Васильевой от 5. III. 1929 публикуются впервые в настоящем издании.

Автографы писем М. С. Сарьяна А. Белому. Отдел рукописей ГБЛ (Москва), ф. 25, оп. 22, ед. хр. 21 и ЦГАЛИ (Москва), ф. 53, оп. 1, ед. хр. 200 (письмо от 25/III. 1929). Последнее письмо публикуется впервые в настоящем издании. Три других письма — впервые в вышеуказанной публикации (Вестник Ереванского университета).

Автографы писем А. Белого Р. В. Иванову: Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград). Впервые: «Литературная Армения», 1967, № 1 (публикация К. Григорьяна).

Автографы писем А. Белого П. Н. Зайцеву: ЦГАЛИ, ф. 1610, оп. 1, ед. хр. 16. Фрагменты из писем публикуются впервые.

1. Клавдия Николаевна Васильева-Бугаева (1886—1970) — жена писателя, его верный спутник, друг; литературный секретарь и помощник в последнее десятилетие жизни. — Стр. 82.

2. Очерк «Армения» был завершен Белым в июне 1928 г. В письме от 20 июня П. Н. Зайцеву Белый пишет об очерке: «Он — удался вполне» (слова эти в тексте письма подчеркнуты). В том же письме, сообщая, что «на днях» вышлет очерк, и прося П. Н. Зайцева взять на себя заботы о его «ремингтонировании» в двух экземплярах, Белый предупреждает: «...надо соблюдать ради ритма мой окончанья; если пишу сочиненье», надо писать «бе», а если «ние», то «ие», все наборщики и 1/2 ремингтонисток не соблюдали моих окончаний, калеча мне ритм». — Стр. 89.

3. Тер-Габриэлян С. М. (1886—1937) — видный деятель Коммунистической партии и Советского правительства Армении, председатель СНК Арм. ССР в 1928—1935 гг. — Стр. 96.

4. Речь идет о романе А. Белого «Маски», составляющем продолжение романа «Москва». Издан в 1932 г. (М., ГИХЛ). — Стр. 98.

5. ...en deux, en trois... (фран.) — ...вдвоем, втроем, вчетвером, но не в многолюдстве. — Стр. 100.

6. Красная Поляна — поселок в Адлерском районе Краснодарского края. — Стр. 103.

7. Иоаннисян И. М. — (1864—1929) — выдающийся армянский поэт. — Стр. 104.

8. Левонян Г. Дж. (1872—1947) — крупный армянский филолог и искусствовед, учился в Москве и Петербурге, основатель (1908) и редактор журнала «Гехарвест» («Искусство»). — Стр. 104.

9. Акуньян О. А. (1869—1947) — химик, профессор; образование получил в Москве, затем в Дрездене, Цюрихе, Геттингене; один из основателей и редакторов журнала «Кавказская школа» (1913—1916), с 1924 г. преподавал в Ереванском государственном университете, медицинском и сельскохозяйственном институтах. — Стр. 104.

10. Иванов Разумник Васильевич (Иванов-Разумник, 1878—1945) — критик, публицист, в 1910-е годы активно участвовал в издании романа Белого «Петербург», одним из первых обратился к изучению его текстов; автор книги «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый», Пг., 1923. — Стр. 107.

11. См. ранее, в очерке, с. 34. — Стр. 107.

12. Ани — древнеармянский город в V—XVI вв. В X—XI вв. столица Анийского царства. — Стр. 107.

13. Имеется в виду принадлежащее Гете открытие межчелюстной кости у человека (1784, опубликовано в 1820 г. одновременно с другими анатомическими работами в мемуаре «Вопросы морфологии», где, в частности, изложены представления Гете о том, что череп состоит из слившихся позвонков). — Стр. 110.

14. Штейнер Рудольф (1861—1925) — немецкий философ-мистик, последователь натурфилософии Гете, основатель антропософии. В своей «духовной науке» стремился к соединению немецкой классической идеалистической философии и естественно-научных идей нового времени с различными религиозными доктринами древности и средневековья. Основал антропософское общество с центром в Дорнахе (Швейцария). Выступал также как драматург, скульптор, архитектор. Выстроенный по его проекту в Дорнахе архитектурный комплекс (Гетеанум) оказал значительное влияние на архитектуру экспрессионизма. А. Белый, познакомившись весной 1912 г. с Рудольфом Штейнером, в течение нескольких лет переживает сильное увлечение его «духовной наукой», в которой его привлекает, в частности, идея личного совершенствования, выявления в себе высшей («божественной») сущности, что, по толкованию Белого, должно было послужить основой единения людей во всемирное братство. «Увлечение Белого антропософией — важнейший период в длительной и изнурительной истории поисков им жизненной опоры», — пишет Л. Долгополов («Вопросы литературы», 1982, № 3, с. 122). В 1912—1916 гг. Белый живет преимущественно в Европе, слушает лекционные курсы Штейнера, поселяется в Дорнахе и участвует в строительстве Гетеанума, в 1915 г. пишет книгу «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности». Впоследствии Белый переживает кризис антропософских убеждений, однако некоторые осново-

полагающие начала этого учения сохраняют для него свое значение и силу до конца жизни. — Стр. 110.

15. Тораманян Т. А. (1864—1934) — архитектор, основоположник научного изучения армянского зодчества. Жил в Константинополе, Болгарии, Румынии, совершил поездки в Париж, Рим, Грецию. В 1903 г. приехал в Ани, где с 1904 г. начал вести археологические раскопки вместе с Н. Я. Марром. За 30 лет работы в Армении на основе конкретного изучения памятников создал историю армянского зодчества. Работы Тораманяна стали источником для Марра, Стржиговского и других специалистов. По его проектам восстановлены разрушенные памятники, представляющие уникальную ценность. Благодаря трудам Тораманяна армянское средневековое зодчество получило мировое признание как самостоятельный, уникальный архитектурный стиль. — Стр. 110.

16. Имеется в виду описание храма на вершине горы в книге Кампанеллы «Город Солнца». С Городом Солнца Кампанеллы соотносил Белый в свое время и Гетеанум, в строительстве которого принимал участие; Город Солнца, в свою очередь, связывался для него с Коммунистическим Интернационалом, с идеей всечеловеческого братства (см.: А. В. Лавров. Рукописный архив Андрея Белого в Пушкинском доме. — В кн.: «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год». Л., 1980, с. 43—46). — Стр. 111.

17. Зайцев Петр Никанорович (1889—1970) — литератор, поэт, в двадцатые годы состоял в близости с А. Белым, оставил воспоминания о нем (ЦГАЛИ). — Стр. 112.

ДОПОЛНЕНИЯ

К. Н. Бугаева. Поездка на Кавказ. Впервые: «Литературная Армения», 1971, № 6. Печатается по журнальной публикации. К. Н. Бугаева многие годы посвятила работе над громадным архивом А. Белого, а также оставила еще не поданные воспоминания о нем, состоящие из семи больших глав: «Вступление (Посвящение)», «Контрапункт», «Природа», «Работа над «Масками», «Стихи», «В жизни», «Мысль». Страницы, рассказывающие о поездке на Кавказ, входят в главу «Природа».

Н. А. Гончар